

История идеальной любви

*Предел
совершенства*

Ольга Черныш

Ольга Игоревна Черных

Предел совершенства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40254316

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-08485-8

Аннотация

Николас Миллер и Алиса Меллоу живут в мире, где нет войны и безработицы. Так может показаться на первый взгляд. Мало кто знает, что корпорация «Идеал» ставит над людьми страшные эксперименты. Отслеживание снов и блокирование памяти – начало попыток достичь совершенства. Ник знает тайну современного общества и рассказывает Алисе о настоящем устройстве страны. Вовлечение девушки в политические разногласия не осталось безнаказанным. Власти обвиняют Алису в совершении преступления. Влюблённым навсегда придётся забыть о прошлой жизни, если их чувства не окажутся выше законов устоявшейся системы...

Содержание

От автора	5
Глава 1. Алиса Меллоу. Преступница	6
Глава 2. Николас Миллер. Главный редактор	15
Глава 3. Николас. Преступник	32
Глава 4. Николас. Ожидание	50
Глава 5. Алиса. Дизайнер	76
Глава 6. Алиса. Неожиданная встреча	104
Глава 7. Николас. Новая жизнь	118
Глава 8. Алиса. Знакомство с Мелоди	135
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Ольга Черных

Предел совершенства

Посвящается всем, кто не боится создавать себя и мечтать.

От автора

Я задалась целью написать книгу максимально не похожей на первую – «Моя истерика». Мне это удалось лишь наполовину. Вновь сны, поэзия, любовь...

В основу сюжета легло моё представление об идеальных отношениях, идеальной работе, идеальном мире. Я создавала персонажей на протяжении года и успела привязаться. Было жаль расставаться с ними. Надеюсь, вы тоже влюбитесь в Ника, Алису и остальных.

Я привязалась к ним так сильно, что мне до бесконечности хотелось рассказывать о событиях, которые могли произойти с героями. Пришлось остановиться, чтобы и вам предоставить возможность пофантазировать. Искренне верю в то, что после прочтения книги в вашем сердце найдётся местечко для истории о совершенной любви. Для истории, в которой стирается грань между богатством и бедностью, прошлым и будущим. Желая каждому из вас найти свой идеал.

Ваша Оля Черных.

Глава 1. Алиса Меллоу. Преступница

*Порой мы не замечаем,
что оставляем следы в чужих жизнях.*

Что происходит? Куда меня везут? Я же не нарушала закон. В чём дело? Меня подставили. Я хочу задать интересные вопросы этим здоровякам, что сидят в салоне машины напротив меня, но не могу контролировать речь. Мне нацепили светящиеся наручники, так что я теперь даже пошевелиться не могу. Я бы закричала, стала размахивать руками и ногами, но не сидела бы на одном месте! Да что они себе позволяют? Забрали мой планшетный компьютер, подчинили тело. Что потом? Ах да, я же теперь преступница, меня отправят в исправительный лагерь на всю оставшуюся жизнь. Я в панике, в бешенстве, в ярости! Мне хочется закричать: «Я не виновата!», но губы остаются неподвижными, как бы я ни старалась.

Спустя мучительные минуты разездов в неизвестном направлении машина остановилась. Не понадобилось слов, чтобы попросить меня выйти на улицу. Моё тело полностью слушается этих людей в чёрных костюмах. В мои мысли

вторгается чужой голос и говорит: «Следуй за охраной». У меня нет выбора, и я повинуюсь. Первым вышел водитель, открыл нам дверь, потом мой первый так называемый охранник, следом я, и после – второй грозный телохранитель. Интересно, куда меня привезли, но я не в силах посмотреть по сторонам, чтобы разведать обстановку. Никто из преступников не возвращался в Пефом, поэтому мне остаётся только гадать, что со мной будет, и когда я смогу свободно двигаться, мыслить, говорить. По рассказам моего парня, нарушители закона отбывают наказание на производственных заводах и фабриках. Что ж, не лучший вариант, но всё-таки не тюремные клетки, какие были раньше. Мой загадочный мальчик настолько меня шокировал, рассказав тайну нашего Общества, что больше никогда не захочется об этом думать. А может, меня заставят не думать...

Ноги ведут меня в прямом направлении. Я не вижу ничего и никого, кроме мраморной плитки на полу и своих сапог. Ветер стих, плитка сменилась на лаковый паркет, мы вошли в здание. Люди, которые сюда меня привели, однозначно не хотят, чтобы я запомнила это место. Я снова попыталась поднять глаза, но ничего не получилось. Тело упорно не слушается.

– Алиса Меллоу на месте, сэр, – прозвучал голос, принадлежащий мужчине справа. По крайней мере мне так показалось. Он, наверно, говорит в свой наушник или же связался по ноутскрину.

Ответ «сэра» я, естественно, не услышала. Мои ноги снова в движении. Спустя несколько минут ходьбы по зданию мы оказались в кабинете врача. Я определила это по резкому запаху медицинских препаратов. Вот чёрт. Ненавижу больницы, но предпочтения преступников здесь не учитываются.

– Спасибо, парни, вы можете идти, – сказал грубый мужской голос, после чего мне вернули возможность видеть, что я захочу.

Я оказалась права насчёт кабинета врача. Те двое, перед тем как уйти, посадили меня на кушетку и сняли наручники. Что же будет дальше? Я совершенно беспомощна. У меня нет ни средства связи, ни сил бороться.

– Я доктор Гудман, наша встреча не будет долгой, обещаю, – представился мне мужчина, сверкнув белоснежной улыбкой, затем отпустил охранников в чёрном.

Выглядит доктор, как и все в Пэфоме, безукоризненно, но в то же время слишком обычно. Нет ни татуировок, ни яркого цвета волос, ни вызывающей одежды. Только выбеленные зубы и такого же цвета докторский халат.

– Надеюсь, док, – выдавила я, скривив губы и сморщив нос. При виде моей гримасы Гудман фыркнул. А как же клятва Гиппократата?

– Да вы ещё и хамите, мисс Меллоу. – Судя по недовольному лицу Гудмана, я ему сразу не понравилась. Что ж, мне всё равно. – Я был о вас лучшего мнения.

– Поздравляю! Я тоже не ваша фанатка, – сказала я и оста-

лась довольна собой. Он видит меня первый раз. О каком мнении идёт речь?

– Хватит пререкайся, доктор Гудман, пора приступать к работе, – властно произнёс только что вошедший человек в красном костюме. С ним появились две медсестры и грациозная блондинка с тонной макияжа.

– Да, сэр.

Врачишка оказался жалким, сразу навалил в штаны. Я победно улыбнулась, хотя радоваться тут нечему. Меня с позором выперли с работы, а потом привезли сюда, чтобы ставить эксперименты.

Медсестры сразу поняли намёк мужчины. Одна из них подбежала ко мне со шприцем, наполненным зелёной жидкостью, а другая схватила мои руки и перевела их за спину.

– Что вы собираетесь делать? Не трогайте меня! – стала возмущаться я. А кто станет терпеть подобное обращение?

– Ничего противозаконного, – ухмыльнулся «сэр» в красном костюме. – Будешь знать, как воровать чужую информацию.

– Да ничего я не воровала! Вы с ума сошли, – закричала я во весь голос.

Не успела я встать и накинуться на этого выскочку, как медсестра усилила хватку. Сопротивляться бессмысленно. Их здесь пятеро, а я одна, но так просто не сдамся.

– Бесполезно кричать, здесь тебя никто не услышит, – сказал доктор Гудман с хитрым и довольным лицом, чем напо-

нил мне безумного учёного из какого-то фильма.

– Знаете что? Вы просто испугались! – уверенно сказала я, глядя им всем по очереди в глаза.

В ответ они лишь засмеялись и наверняка приняли меня за дуру. Я стала брыкаться и даже попыталась укусить медсестру за руку. Жаль психически нездоровых людей, ведь они испытывают то же самое каждый день. Их связывают и затыкают рот. Может, теперь я одна из них?

– Ты здесь всего несколько минут, а уже порядком мне надоела. Поспи немного, – сказал мужчина в ядерно-красном костюме и кивнул доктору Гудману.

Я и не заметила, как на моё запястье надели снотворный браслет. Ох, уж эти медицинские штучки...

Когда сознание проснулось, мне, благо, хватило ума не открывать глаза. В фильмах всегда притворяются спящими. Этот трюк мне помог, и я услышала тихий разговор.

– Эрик, не стоит стирать девушке память. Это уже слишком, – лениво произнесла женщина. Вряд ли кто-то из медсестёр называет того мужчину в красном по имени, значит, в кабинет зашёл новый человек.

– Ты шутишь? Она же разболтает всю информацию, нас раскроют! – Это точно голос «сэра», перед которым «танцевал» Гудман.

– Да, ты прав. Я всё понимаю, но зачем копаться в её мозгах и заменять воспоминания? Разве не достаточно того, что

она очутится вдали от дома?

Мне кажется, или эта женщина меня жалеет? Нет смысла рассчитывать на жалость, если мнение Эрика для неё – закон.

– Стелла, прекрати размышлять. Я же говорил, для чего это нужно. – Он не на шутку разозлился на женщину, но всё же эти люди близки. – Она должна чувствовать себя виноватой, чтобы не было желания вернуться домой.

– Кое-кто нас не простит, – продолжила настаивать Стелла.

– Он ничего не узнает, – ответил Эрик.

О ком это они? Господи, да через пару минут я, возможно, не вспомню, как меня зовут. Значит, эти люди действительно занимаются ужасными делами... Скрывают от всей страны! А нам всю жизнь внушают, какое у нас замечательное государство и честный президент. Теперь понятно, почему почтенный господин Эрик испугался.

– Что ж, поступай, как знаешь. Мне жаль девочку, – сказала Стелла.

– А тебе не будет жаль мужа, если все узнают об эксперименте? Ты сама прекрасно понимаешь, каковы последствия. Так что, нужно устранить проблему, и поскорей.

Это он меня назвал проблемой? Далеко же они зашли... Интересно, в курсе ли президент? Или они все заодно? Вполне вероятно, но я об этом уже никогда не узнаю. Повезло, что меня вообще оставили в живых.

– Понимаю, – согласилась Стелла. – Гудман, мы всё решили. Можешь активировать чип.

При слове «чип» у меня заныло правое плечо. Активировать? Уже? О нет, плохи дела. Прощай, Алиса Меллоу, да здравствуй, унылое зомби. Мама, папа, любимый, простите меня за то, что заставила вас в себе усомниться. Назад дороги нет.

С замиранием сердца я приоткрыла глаза и увидела, как мистер Белоснежная Улыбка подошёл к громоздкому компьютеру, каких сейчас осталось мало. Системный блок и монитор – редкая вещь. Значит, предстоит что-то серьёзное, раз доктор пользуется столь надёжной аппаратурой. Остальных людей я не успела увидеть и закрыла глаза, чтобы не привлекать лишнего внимания. Я ещё не всё узнала.

– Итак, включаю стандартные функции, верно? – спросил Гудман. – Это займёт всего несколько минут.

Не знаю, сколько прошло времени, но обещанные «несколько минут» показались вечностью. Ладони вспотели, и я уже не могу притворяться. Эрик со Стеллой уже, скорее всего, заметили, что я не сплю. Я с такой силой зажмурила глаза, что, кажется, голова вот-вот взорвётся.

– Отслеживание объекта 02-0001703-01-02 и его снов активировано, – сказал женский электронный голос.

Каких ещё снов? Мне дали порядковый номер? В какой стране мы живём? Я что, робот?

– Осталось стереть ненужную память и подчинить ра-

зум, – сказал Гудман.

У меня нет ненужной памяти! Какая же я идиотка, что вляпалась в эту историю...

– Память объекта 02-0001703-01-02 заблокирована, – произнёс тот же компьютерный голос.

Я всё ещё помню, что меня зовут Алиса. Осталось подчинить разум, как мило.

– Подавление личности объекта 02-0001703-01-02 активировано, – услышала я через пару секунд.

– Хорошая работа, доктор Гудман, – сказал мужчина, чей голос я слышу впервые.

Захлопнулась дверь. Боюсь просыпаться...

Когда мои мышцы расслабились, я медленно открыла глаза. Что я делаю в кабинете у врача, ещё и лёжа на кушетке? Я больна? Первое, что увидела, это лицо с белоснежной улыбкой. Это и есть доктор Гудман, который хорошо поработал? Я оперлась на локти и бегло осмотрела помещение. Серебристые стены, три кожаных кресла, стеллажи с медицинскими препаратами, большой деревянный стол с древним компьютером и мелкие элементы декора, нелепо разбросанные по кабинету.

Ко мне подошла медсестра в белом халате и попросила, чтобы я села, после чего взяла мою правую руку в свою и закрепила на запястье металлический браслет. Я присмотрелась и заметила на нём мелкую надпись, состоящую из ком-

бинации цифр 02-0001703-01-02. Меня затошнило.

– Молодец, хорошая девочка. Теперь ты мне нравишься, – с ухмылкой сказал доктор Гудман.

Я не обратила на него внимания и спросила у медсестры:

– Что со мной будет? Меня накажут?

Она посмотрела на доктора, пожала плечами, явно перед ним извиняясь, и ответила:

– Всё будет хорошо, детка. Не бойся.

Она немного меня успокоила. Потом появились два человека в чёрном и вывели меня прочь из кабинета. Мистер Гудман блеснул доброжелательной улыбкой мне вслед.

Глава 2. Николас Миллер. Главный редактор

*Окунаясь с головой в прошлое,
не забудь вовремя вернуться...*

Последний рабочий день на неделе подходит к концу. Мне позвонила секретарша Майли и напомнила, что через несколько минут состоится встреча с молодым писателем. Я не хочу ни с кем разговаривать, кроме клиентов и коллег. Разговоры, соответственно, только о работе. Я уже несколько месяцев не общаюсь с друзьями и даже перестал писать музыку. Живу от работы до работы в офисе, ем и сплю. Меня это вполне устраивает. Завтра суббота, впереди два выходных, которые я проведу в полном одиночестве, наполненном отчаянием и скукой. Я превратился в растение, как говорит мой друг Адам, единственный человек, с которым я могу поделиться своими переживаниями.

Вот уже в который раз за сегодня я открыл нижний ящик своего рабочего стола и достал серебристый ноутскрин, принадлежащий Мелоди. Я всё ещё безумно зол на неё, но не могу выкинуть из головы воспоминания о девушке. От безысходности у меня опустились руки, остаётся только смотреть

в безжизненный экран. Она редко пользовалась своим ноут-скрином. Зато благодаря этой железке мы и познакомились поближе.

Помню, когда Мелоди пришла устраиваться к нам в «Пэфом Паблишинг» на работу примерно два с половиной года назад, я сразу увидел в ней потенциал. Она заняла должность журналистки в нашем издательстве. Позже я узнал, что девушка пишет стихи, и доверил ей вести колонку о новостях музыки и кино в одном из ведущих журналов страны. Она отлично справлялась с работой, совмещая её с учёбой в Академии искусств, и стала известной на весь город рассказчицей. Журнал начали покупать взрослые люди, раньше же он пользовался популярностью только среди детей и подростков. Мелоди – незаменимый работник, который знает своё дело и выкладывается по полной программе. Сейчас её не стало, и я закрыл к чертям журнал «Мелодия жизни». Он не должен существовать без её удивительных колонок, которые любили читатели.

После того как закончилось наше короткое собеседование, Мелоди ушла, забыв у меня на столе свой ноутскрин. Так я узнал её номер телефона и даже адрес. Знаю, это подло, но я не мог ждать следующего рабочего дня, чтобы увидеть милую незнакомку. С тех пор она забывала ноут постоянно: на работе, у меня дома и в студии. Ей не по душе новые технологии. Была б её воля, она бы пользовалась простым кнопочным телефоном. Их уже давно не выпускают, поэто-

му при ней всегда был планшетный компьютер, в котором хранились статьи и стихи.

С тех пор мы никогда не расставались...

Пару секунд я покрутил ноутскрин в руках, протёр салфеткой экран и положил обратно в ящик. Пусть, как и я, ждёт возвращения нашей Мелоди. Несмотря ни на что, я по-прежнему люблю её.

Мысли о Мелоди прервали тихий стук в дверь и звонок Майли на ноутскрин. Её голографическое лицо осветило тёмный кабинет.

– Николас, к вам пришёл писатель, о котором я говорила днём, – сказала она, как всегда, улыбаясь.

– Спасибо, Майли, приму его, – ответил я и отключился.

Всегда пытаюсь избежать её избитой фразы: «Вам что-нибудь нужно?». «Да, – хочется ответить, – мне нужна моя девушка. Нужно повернуть время вспять!».

– Войдите, – крикнул я в сторону коричневой двери, сконструированной по новейшим технологиям, и включил в кабинете свет с помощью дистанционного пульта.

– Мистер Миллер, добрый вечер, – представился молодой человек. Я показал ему жестом на стул, и парень сел напротив меня. – Я присылал вам заявку на прошлой неделе. Меня зовут Майк Стюарт.

– Я помню. Называй меня просто Николас.

Ненавижу, когда ко мне обращаются, как к владыке мира. Мой надменный отец приемлет только такое обращение

в свой адрес, но я не перенял у него ужасную привычку.

– Да, мистер... Николас, – запинаясь, сказал Майк.

Руки парня спрятаны под столом. И чего он так боится? Или за эти месяцы я здорово пострашнел? Нужно прекращать заниматься самобичеванием, иначе превращусь в лохматое чудовище.

– Я прочитал твою книгу, признаться, всего за несколько часов. – Может, эти слова успокоят юного писателя. У него есть будущее в мире литературы.

– Правда? И что вы скажете? – уже не заикаясь, спросил Майк. Всё-таки мне удалось его взбодрить, и он по-детски заулыбался.

– Скажу, что заявка одобрена. Ты в деле, поздравляю, – сказал я и протянул парню руку.

Когда я читал его роман «Лучи солнечной системы», мне казалось, что автору около сорока, а не девятнадцать, как Майку. Перед прочтением произведений никогда не встречаюсь с писателями, чтобы не возникало симпатий или антипатий заранее. Я привык к непредвзятости и объективности.

– С ума сойти. Это, это... Небесно! – обрадовался Майк и без колебаний пожал мне руку в ответ.

Ну и словечко. Небесно. Автор фантастического романа и не такое сказать может. И я не возражаю, ведь своим мировоззрением он отличается от остальных авторов. Мне нравится читать что-то нестандартное, поэтому я и решил сотрудничать с Майком. Его книга – удачная находка.

– Я отправил тебе на почту отредактированный текст. Прочти, взгляни на ошибки, а после согласования приступим к печати.

– Спасибо! Я и не мечтал, что вы возьмёте роман в работу, спасибо!

Он готов повторять это снова и снова, вижу по глазам. Этот парень далеко пойдёт, он искретен и честен со мной. Многие же другие псевдописатели (по-другому их не назовёшь) готовы на всё ради славы и миллионов на карточке.

– Это входит в мои обязанности, – сказал я, взглянув на настенные часы. Пора уже собираться домой и дальше погибать от скуки.

– Знаете, я слушал все ваши совместные песни с Мелоди, вы просто галактический дуэт! Как вы успеваете работать редактором и писать музыку? – Майк снова улыбается.

Галактический? Это комплимент, надеюсь? На протяжении нескольких месяцев я пытался выкинуть музыку из головы, но бесполезно. Как же не хватает группы...

– Николас? – позвал Майк. Видимо, я надолго замолчал. – Простите меня, что... Я забыл. Неба ради, простите.

Я понял, что он имеет в виду. Весь город в курсе событий и преступления Мелоди. Интересно, а по моему выражению лица слишком заметно, что я тоскую? Майк первый, кто напомнил мне о Мелоди. Всем остальным я запретил говорить о ней, хоть и не хочу, чтобы она умерла в их сердцах.

– Ничего, всё хорошо. Сам не знаю, как успевал. Музыка

в прошлом, – ответил я и заметил, что Майк сильнее занервничал.

Парень ведь ни в чём не виноват. Только сейчас обратил внимание, что у него фиолетовые волосы и татуировка в виде гитары на руке. Может, он тоже занимается музыкой, но уточнять это я не стал.

– Очень жаль... Люблю ваши песни, – осторожно сказал Майк. – Мне, наверное, пора. Уже поздно.

– Ты прав. Приходи через неделю с готовым материалом. Если какие-то правки будут непонятны, обсудим.

– Конечно. До встречи, Николас! – сказал парень и протянул вспотевшую от волнения руку.

– До встречи, Майк.

После того как он вышел из кабинета, я отметил в календаре примерную дату встречи. Пусть будет двенадцатое апреля. Попрошу Майли напомнить парнишке – вдруг он на радостях забудет.

Я немного покрутился в кресле, собирая мысли в кучу, потом завесил окна, выключил свет и собрался уходить. Сегодня задержался меньше, чем вчера. Сейчас только восьмой час, обычно ухожу гораздо позже, потому что погружаюсь в работу. Дома меня больше никто не ждёт и ничего не держит.

Офис Мелоди, как и мой, тоже находится на седьмом этаже, но мы почти всегда работали вместе. Сейчас её кабинет по моей просьбе закрыт, но раз в неделю уборщицы поддерживают порядок. Все двери в «Пэфом Паблшинг» оснаще-

ны системой безопасности. При входе и выходе сканируется сетчатка глаза каждого посетителя, поэтому я легко могу отследить, кто появлялся как в моём кабинете, так и в кабинете Мелоди. Если возникнет какое-то подозрение, или кто-то попытается взломать дверь, на мой ноутскрин поступит сигнал об угрозе. Охранники оперативно ликвидируют вора, вот и вся система. В нашем издательстве почти у всех сотрудников есть доступ к общим кабинетам, но только у Мелоди и Майли есть доступ к моему. Девушкам не нужен ключ, достаточно только взглянуть на замок, и дверь сама впустит их сюда. В жилых домах защита от взлома надёжней. Одной проверки сетчатки глаза недостаточно, поэтому есть обычные замки. Ключ от моей квартиры и студии был лишь у Мелоди. Только ей я доверял свой мир, жизнь и душу.

Не успел я выйти из кабинета и закрыть дверь, как на мой ноутскрин поступил звонок. Раньше на вызове у меня стояла песня Мелоди «Как бабочка», а сейчас – инструментальная мелодия неизвестного исполнителя.

– Дэрк? – уточнил я, не ожидая услышать голос брата. Я отключил голографическую связь и поднёс ноутскрин к уху, как смартфон. – Подожди секунду.

– До свидания, Николас, – сказала Майли. Странно, что она ещё здесь.

– До завтра, Майли, – попрощался я.

Она сидит возле моего кабинета на ресепшне вместе с

другими секретаршами. Я поймал на себе несколько взглядов и поспешил вернуться к разговору с братом.

– Ты сидишь? – спросил он. Никаких «привет» или «как дела?». Для нас это привычная форма общения.

– Иду. Что случилось?

За несколько секунд паузы я спустился на первый этаж издательства. Лифт оказался пустым. Большинство сотрудников уже разошлись по домам.

– Я случайно подслушал разговор матери с отцом...

По голосу Дэрока я понял, что новость не из приятных. Эта парочка постоянно что-то замышляет. Они напоминают мне Аида и Малефисенту из мифа и сказки.

– Ну и? Говори, не тяни!

– Эй, не злись! Я не знаю, как ты на это отреагируешь.

Я уже на общей стоянке, подхожу к своему чёрному «Мини Куперу». Мелоди уговорила его купить, потому что сама не водит, а машина ей очень нравится... нравилась.

– Слушай, я за рулём. Зависит от тебя, доберусь ли я домой, братец!

Люблю над ним пошутить.

– Наши родители подставили Мелоди и отправили её в ЭО, – произнёс Дэрок на одном дыхании.

Я сел на водительское сидение, завёл мотор и крепко обхватил руль одной рукой. Нужно срочно ехать домой.

– Знал, что она не виновата, – прошептал я.

Не просто знал, а был уверен, но чуточку сомневался, не

скрою. Лжец! Если бы я был уверен в её невиновности, то не ждал бы суда, который вряд ли назначат, а действовал.

– Парень, ты в порядке? – спросил брат.

Да, я мысленно уже со своей девушкой.

– В порядке? – переспросил я. До меня дошло, что радости в этой истории мало. Почему родители так поступили? Ненавижу их! – Шутишь? Нет, не в порядке! Что теперь прикажешь делать? Где её искать?

– Знаю, это подло с их стороны. Пойми, они боялись, что вскрыется тайна об эксперименте. Если бы ты ничего не рассказал своей девушке, она была бы здесь, – упрекнул Дэрк.

Я мчусь по ночному Пефому со скоростью света, лишь бы не видеть ни одной живой души вокруг. Мимо меня проносятся сотни разноцветных фонарей и обрывки песен из окон домов. Ничего больше не имеет значения, кроме Мелоди. Даже вдохновляющее закатное небо не интересует.

– Что? Я молчал два года, не мог же всю жизнь скрывать правду! Как бы ты поступил на моём месте? Ах да, я забыл. Твоя жена такая же, как и вы.

Я уже хотел завершить диалог, но Дэрк снова заговорил:

– С моей женой нет таких проблем, как с Мелоди. Не забывай, родители хотели вернуть тебя домой. Хотели, чтобы ты продолжил их научное дело, понимаешь? – спокойно объяснил он.

– У них же есть ты. Зачем им ещё один примерный мальчик?

Я уже не знаю, шутить или быть серьёзным. Меня волнует только один вопрос...

– Прекрати! Я же всё тебе рассказал.

– Да, прости...

– Ты едешь домой? Сбавь скорость. Я на другом конце города слышу, как ветер свистит за твоим окном.

– Уже подъезжаю, всё под контролем.

– Давай так. Успокойся, поговорим позже. Хотя ты большой зануда и влюблённый дурак, я помогу тебе, ведь ты мой брат.

Надо же, он уже стихами заговорил. Я как раз припарковался возле дома на родной Стрит Авеню, закрыл машину и направился к подъезду.

– Ты сильно рискуешь. Есть шансы остаться незамеченным? – спросил я, волнуясь за судьбу брата.

Помогать мне слишком опасно. Если Дэрока поймают, его карьере научного разработчика придёт конец.

– Да, если наш вспыльчивый Никуша сейчас не побежит звонить родителям со словами, как сильно он их ненавидит, – поддразнил Дэрок и заодно поставил условие. Что ж, справедливо.

– Ладно, но знай, что я собирался, – ответил я и впервые за эти месяцы рассмеялся.

Мой истерический смех разразился эхом в ушах, и я снова почувствовал себя живым, пробуждённым от долгого сна.

– Заткнись, а то передумаю.

По голосу слышу, что брат тоже улыбается. С ним не всё потеряно.

Мы попрощались, и я, до сих пор пребывая в шоковом состоянии, пешком поднялся на пятнадцатый этаж высотки, в которой живу.

Пока принимал ванну, придумал, как проведу остаток вечера. Достал из холодильника бутылку красного вина, которую мы не допили с Мелоди на последнем свидании. Это было слишком давно, чтобы быть правдой. Мы отметили два года наших отношений, и спустя несколько дней она пропала... Точнее, я знаю, где она. Её отправили на один из заводов страны отбывать наказание. До сегодняшнего дня думал, что она совершила преступление, украв секретную информацию. Какой же я дурак, раз поверил в эту чушь! У неё ведь не было доступа к Базе Данных. Родители провели меня, как младенца. Им повезло, что Дэрк запретил мне говорить с ними на эту тему. Я бы непременно сказал, что о них думаю и что думаю о шайке учёных, об эксперименте и прочих вещах, которым не найти оправдания. То, чем они занимаются, чудовищно! Я поклялся хранить тайну, когда ушёл из дома в восемнадцать лет, выбрав обычную жизнь, и ничуть не жалею, что уже пять лет работаю в Пефоме. Я не мог изменить их гнилую систему. За этими делами стоят люди, на которых нет управы.

Не знаю, жалею ли, что рассказал всё Мелоди, или нет,

но она должна была знать. Её храбрость и смелость привели к плачевному исходу. Теперь я понимаю, что она ни в чём не виновата. Матери с отцом не составило большого труда сочинить историю, в которую все поверят, и сделать из моей девушки врага. Да, действительно, она искала секретные данные. После того, как её увезли, я нашёл в ноутскрине Мелоди закладку «Экспериментальное Общество». Она просто пыталась найти больше информации, чем я ей рассказал, в Сети. С этими уликами её и поймали.

Естественно, она ничего не узнала, потому что доступ к таким вещам закрыт. У неё не было ни единого шанса, так же, как и у меня, и у любого простого жителя Пефома. Как я мог поверить в искренность мамы?! После всего случившегося она позвонила и ласковым голосом спросила: «Сынок, как ты?». Она змея, а я настоящий кретин. Это же очевидно. Дело в самой Мелоди, ведь тайне родителей ничего не угрожало. Как сказал Дэрк, они лишь хотели, чтобы их мальчик вернулся домой. Они не могли смириться с тем, что у меня есть любимая девушка, работа и музыка. Проще всего было отнять девушку, пусть даже таким подлым способом. И я повёлся. Странно, что не побежал плакаться к мамочке. На это она и рассчитывала, наверное. Пусть я и забросил музыку, но продолжал работать и увольняться не собирался.

На протяжении пяти месяцев я боролся с собой, с мыслями и чувством вины. Толком не знал, что делать дальше. Узнать, в каком городе находится Мелоди, я не мог, забыть

её – тем более. Хотя мне и внушили, что она совершила преступление, я продолжал её любить. Да какая разница, что она сделала? Она моя девочка и точка.

Знаю, что она хотела бороться за справедливость. Я оказался раздавленным червяком. Провёл в депрессии всё это время, ничего не предприняв. Слабак. Ненавижу себя за это. Я погрузился в работу, надеясь, что вскоре Мелоди вернётся домой, что рано или поздно этот кошмар закончится, но ни того ни другого не произошло. Я так виноват перед ней...

Дэрок сильно мне помог. Пока не знаю, что придётся сделать, но точно знаю, что найду Мел и верну домой, чего бы мне это ни стоило. Если бы не брат, моя Мелоди провела бы на каком-то вонючем заводе остаток жизни в неведении. Как она? Я думаю о ней каждый день, а думает ли она? Всех преступников подвергают подавлению личности, и за этим стоят мои родители. Они могли пойти на всё, чтобы я никогда не увидел любимую. Даже боюсь представить, каково ей там одной...

Теперь у меня появилась надежда, хоть какой-то свет в кромешной тьме. Я буду многим обязан Дэроку, если он сможет поспособствовать в спасении. Мы не всегда ладили, но он единственный, кто поддержал меня, когда я ушёл из семьи. Сейчас Дэрок живёт с женой в Пефоме, а родители переехали в столицу страны, чтобы окончательно посвятить себя науке. Чокнутые.

Осушив второй бокал вина, я решил покончить с гнету-

щими мыслями. С ними я разберусь завтра, как и со всем остальным. Хочу наверстать упущенное время, окунуться в воспоминания, посвятить ночь Мелоди.

Я завернулся в плед, который она мне подарила, и устроился в мягком кресле, которое она выбрала. Мы часто сидели вдвоём, провалившись в красном плюше. Всё в моей квартире напоминает Мелоди. Три комнаты из трёх, включая студию, оформила она. Подобрала мебель, шторы, плазму... Всё, вплоть до настенных часов. Их уже давно заменили встроенные в ноутскрин голографические часы, но Мелоди любит старые вещи. Антиквариат всегда был ей по душе. Каждый элемент декора пропитан ею и достоин восхищения. Единственное, что она здесь не тронула, так это окно от потолка до пола, открывающее обзор на центр города. Мне оно кажется неудобным, чувствую себя рыбой в аквариуме. На такой высоте меня вряд ли кто-то разглядит, но всё равно бывает некомфортно. Главное, чтобы Мелоди нравилось. В её квартире простые окна с пластиковыми подоконниками, поэтому ей нравилось сидеть возле моего окна, постелив плед малинового цвета, и сочинять стихи. В такие моменты мне оставалось только любоваться.

Я взял с полки электронную фоторамку, которую подарила Мелоди на Рождество.

– Ноутскрин может сломаться, и наши фотографии пропадут. А так они всегда будут у тебя на виду, – сказала тогда мне Мелоди и закрепила слова страстным поцелуем.

Я отчётливо помню то Рождественское утро... Мел оказалась права. В ноутскрине полно разной информации, начиная от календаря, заканчивая управлением освещения в доме. Смотреть на нём снимки не совсем удобно, а фоторамка всегда под рукой. Раньше она стояла у меня на работе, потом я вернул её домой, когда Мелоди пропала...

Спустя долгие месяцы ожидания я с замиранием сердца включил фоторамку, в которой около трёх тысяч фотографий. Мелоди постоянно добавляла новые. Некоторые фото не помню, например, это, где я сижу с гитарой, волосы расчёпаны, рубашка распахнута, взгляд счастливый. Ещё бы, ведь со мной тогда были Мел и музыка. Я перевёл цифровые фотографии с экрана в голографический вид. В среднем они могут принимать размер до метра в длину и ширину, в зависимости от оригинального разрешения. Мне нравятся фото в 3D, а Мелоди – анимация. У неё на ноутскрине до сих пор стоит моя подвижная фотография, где я посылаю ей воздушный поцелуй.

– Люблю, когда ты улыбаешься, – всегда говорила она мне.

Мел не могла не поставить это редкое фото, где я улыбаюсь до ушей. Не помню, что меня так развеселило, но фотография сделана в моей звукозаписывающей студии.

Сейчас я могу коснуться щеки Мелоди, губ и рук, но никакая голограмма не передаст её тепла... Пытаюсь растворить

пальцы в фотографиях, но их свет лишь обволакивает руку, образуя мелкие помехи. Вот мой любимый снимок. Мелоди сидит у меня на спине, придавливая тело к кровати, и весело смеётся. Я снова пытаюсь коснуться её белоснежной кожи, но не могу. Мелоди здесь нет, а фотография – лишь след, оставленный после неё. Я пролистываю тысячи драгоценных снимков, где Мелоди одна, со мной, улыбается, злится и даже плачет. Я люблю смотреть на её фото, но этого недостаточно. Хочу видеть её здесь, стоящую передо мной, сидящую у меня на коленях и перебирающую мои волосы. Я должен её вернуть.

– Моя девочка, – шепчу, едва открыв глаза.

Не помню, когда я успел перебраться из кресла на кровать и уснуть. Рядом со мной лежит включенная фоторамка и спящая в ней Мелоди под пледом.

Я беру с тумбочки ноутскрин и с помощью домофункций раздвигаю шторы на большом окне, набираю воду в ванной и разогреваю пищу. Чёрт, мне дважды звонил Дэрк, хотя только десять часов. Брат занялся делом с утра пораньше, а я сплю в такой ответственный момент. Нужно срочно с ним поговорить и начать действовать.

– Дэрк! – поприветствовал я, когда он ответил на звонок.

– Неужели, – на удивление спокойно отозвался он. Брат ненавидит, когда его заставляют ждать. Я тоже.

– Ты узнал?

– Да. Нам нужно встретиться. Когда ты сможешь подъехать в «Новую эру»? Кстати, Адам тоже придёт.

– Хорошо, увидимся через час.

– Подожди... – пару секунд он молчит. Что-то не так. – Ты должен стать преступником.

– И всё? – Я думал, там что-то посерьёзней. Дэрок прекрасно помнит, как я угрожал родителям, что пойду на преступление, лишь бы найти Мелоди. Из этого ничего не вышло, у них больше связей. Мои попытки разгласить их тайну в Обществе оказались тщетными. Я был готов на всё, готов и сейчас. – Кого мне нужно убить?

– Ты псих! – Дэрок разразился смехом, хотя я не шутил.

– Я знаю, до встречи, – сказал я и, не дожидаясь его ответа, отключил ноутскрин. Нужно спешить.

Глава 3. Николас. Преступник

Кто говорит, что не хочет стать знаменитостью, тот или врёт, или уже знаменит.

Я заразился у Мелоди страстью к старым вещам. В Пефоме у всех есть машины, но мало кто использует их по назначению. Автомобили стали неким аксессуаром. Дороги свободны – одно удовольствие сидеть за рулём. На смену машинам пришёл воздушный транспорт. Смысл тот же, но над городом людям больше нравится перемещаться, чем по дороге. У меня тоже в гараже стоит аэромобиль, но я им практически не пользуюсь. Люблю «Мини Купер», а мои немногочисленные друзья считают меня идиотом. На смену старым автобусам и маршруткам, которые уже не выпускают лет двадцать, пришли воздушные кабинки. Правительство сумело найти способ борьбы с загазованностью, и теперь экологии страны ничего не угрожает. Кабинки передвигаются по электрическим проводам, они не требуют топлива и работают на солнечных батареях. Моя машина тоже забыла, что такое бензин. Его используют только для работы старых поездов.

Поездка в «Новую эру» займёт минут пятнадцать, за это время я успею послушать несколько песен Мелоди. У неё нежный, красивый голос и, главное, настоящий. В Пефоме

полно певиц и певцов, которые совершенно не умеют петь, но их звукорежиссёры прекрасно справляются с фонограммой и заменой голоса. Всё просто. Индивидуально каждому исполнителю подбирается тембр голоса, тональность и прочее, затем создаётся войс и внедряется в микрофон, который вокалисты называют счастливым или приносящим удачу. Я-то знаю, в чём подвох. Кто не хвастается микрофоном, у того войс наверняка вживлён прямо в голосовые связки. Люди верят и слушают песни этих исполнителей, певцам нужно лишь обладать яркой внешностью. На этом построен весь шоу-бизнес. Талант давно никого не интересует.

Остались единицы артистов, как моя Мелоди, с природными вокальными данными. Она потрясающе поёт, я наслаждаюсь каждым звуком, произнесённым ею. Она занимается вокалом с детства, а популярность обрела совсем недавно, потому что боялась показаться придирчивой публике. Сейчас у неё много фанатов, как среди молодёжи, так и среди людей пожилого возраста. Всё потому, что она исполняет песни в разных музыкальных жанрах. Ей с лёгкостью удаётся сочетать рок с попсой, всё зависит от настроения. Она может сегодня написать слезливый текст про любовь для подростков, а завтра напишет песню, которая будет крутиться во всех клубах страны. Она вдохновляет меня на создание музыки, и тем самым мы дополняем друг друга.

В субботнее утро в городе всегда тихо. Все отсыпаются

после насыщенной трудовой недели. В Пefоме нет строителей, пекарей или фармацевтов, как и в других элитных городах страны. Все производственные предприятия находятся в мелких городках, где сейчас и отбывает наказание моя девушка.

В таких городах, как Пefом, живут творческие, неординарные люди с тараканами в голове и кучка мерзких учёных, которых я ненавижу. Брат это знает, но на него моя ненависть не распространяется, он просто поддался власти родителей. Когда-нибудь я вытащу его из этого ада, хочет он этого или нет. Никто, кроме учёных, не знает их страшной тайны, в этом и заключается суть Идеального Общества. Знают ещё люди, которые отrekliсь от науки и выбрали обычную жизнь, как я. Это случается редко, поэтому договор о неразглашении тайны досконально проверяется. Когда я рассказал Мелоди правду, наказать должны были меня и никого другого. Родители решили сделать как можно больней и во всех бедах обвинили Мелоди.

«Это для твоего же блага», – сказал бы человек, которого я больше не считаю отцом. Сказал бы, если бы я сразу разгадал их план. Такая сейчас жизнь в Идеальном Обществе. Или ты наверху – правишь миром, или внизу – подчиняешься системе. Я выбрал среднее. Самое интересное, что мой дедушка был против новых ценностей. Вся моя семья, к сожалению, не пошла по его стопам.

За размышлениями поездка пролетела незаметно, и вско-

ре я припарковался на стоянке «Новой эры». Странно, почему Дэрок выбрал шумное место. Мы могли бы встретиться у меня дома или в маленьком кафе. «Новая эра» – самый крупный развлекательный центр в городе. Здесь выбор заведений на любой вкус: рестораны, боулинг, каток, кинотеатры, музеи, выставки, театры, клубы. Пока я выходил из машины, вокруг меня собралась толпа девушек лет шестнадцати. Только не сейчас...

– Ник! Ник Миллер! Хочу автограф! Можно с тобой сфотографироваться? Ник! Пожалуйста, – со всех сторон звучат просьбы.

Одна девушка даже заплакала. Обычно я всем раздаю автографы и нахожу время ответить на вопросы. Я не считаю себя звездой, мне не нужна слава, но приятно, что моей музыкой интересуются.

– Извините, девушки, я спешу, – коротко ответил я и под шум недовольных голосов побежал ко входу в кафе.

Дэрок прислал мне название в сообщении. За спиной слышатся разочарованные вздохи и щелчки ноутскаринов. Зачем им мои фотографии? Я не похож на парня мечты, я не ношу модную одежду и не показываюсь на топовых вечеринках. У меня есть девушка, в конце концов. Мелоди нравилось, когда репортёры и фанатки видели нас вдвоём. Она одним только взглядом говорила: «Эй, красотки, он мой!». Я тоже старался не показывать ревность на публике. За Мел бегают не только куча парней, но и девушек. Многие пытаются под-

ражать её стилю, голосу, манерам поведения и мимике. Её это жутко раздражает. Она не играет на камеру, она всегда настоящая.

Мне удалось спокойно попасть в «Новую эру» и затеряться в толпе. Когда я зашёл в кафе, выполненное в чёрно-белом классическом стиле, Дэрок с Адамом уже сидели за круглым столиком у окна. В детстве мы часто собирались втроём и гуляли по городу в поисках приключений. Сейчас у каждого своя жизнь, работа и увлечения, но Адам по-прежнему остаётся моим лучшим другом. Он, как и Дэрок, выбрал науку и стал программистом. Они вместе работают в научно-исследовательской корпорации «Идеал». Они – элита, а я по их меркам – представляющий угрозы простолюдин. Филиал корпорации находится в каждом городе страны. Мои родители занимают там одну из руководящих должностей. Благодаря моему деду мама с папой входят в Совет Учёных и занимаются научными разработками и управленческими задачами.

Раньше в городах были мэры, губернаторы, а сейчас всё изменилось (должность мэра осталась только в производственных городах). У нас есть президент страны Ламберт Шарм, а при нём несколько учёных, состоящих в Совете. Отдельно существует правительство, но с появлением «Идеала» мало кого стало волновать мнение органов власти. Мой дедушка и ещё четверо учёных решили, что людям нужна максимальная свобода, и что города в мэрах больше не нуж-

даются, но я понимаю, что это лишь иллюзия и пустые слова. Никого не заботит, что Общество строго разделилось на два ярко выраженных слоя: элита и рабочие. Промежуточный слой занимается творчеством, спортом и другими безобидными видами деятельности.

– Ник, ты бы ради приличия костюм надел, – сказал брат, как только меня увидел.

Дэроку, наверно, стыдно находиться в обществе парня, одетого в потёртые джинсы и толстовку. Какая досада. Зато здесь никто не обращает на меня внимания. Представителям научной сферы некогда думать о музыке. Вот и отлично. Это взаимно. Брат старше меня всего на два года, а ведёт себя как будто на сорок два.

– Дэрок, это уже не смешно, – упрекнул его Адам и протянул мне руку в знак приветствия.

Я сел рядом с другом. На его фоне я выгляжу более-менее нормально. В отличие от Дэрока, на Адаме не строгий костюм, а кожаные синие брюки и белая рубашка, подчёркивающая его тёмные волнистые волосы. Чёрный, белый и синий – залог успеха в «Идеале». Эти цвета кажутся учёным сдержанными и многообещающими. Легко отличить представителя науки от простого жителя Пefома. Только мне эти люди простыми не кажутся. Может, все и стали алчными и пафосными, зато мало кто знает, что значит быть жестоким по отношению к другим.

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал я брату, но руку не

пожал. Пусть знает, что мной нельзя манипулировать.

– Ладно, закажи себе что-нибудь, и перейдём к делу, – перевёл тему Дэрок. Мы не всегда держались на расстоянии. – Сидеть за пустым столом – признак дурного тона.

Как я могу есть в такой ответственный момент? Мелоди здесь бы точно не понравилось. Она любит общаться с людьми, а в этом кафе заказ приходится делать с помощью автоматического обслуживания. Я провожу кредитной картой по специальной панели, встроенной в столик, и выбираю капучино. Автоматизированное обслуживание значительно экономит затраты на персонал. Неудивительно, что Дэрок собрал нас именно здесь. В этом кафе сидят только представители «Идеала». Они настолько увлечены разработкой новых проектов, что им не нужно чужое внимание, а официанты их бы только побеспокоили. Простые жители Пефома придерживаются стандартных ресторанов и кафе не только потому, что там дешевле, но и потому, что там больше шума и общения. Так что, можно гарантировать, что нас никто не подслушает.

Парни доедают завтрак и тоже заказывают кофе. Через пару минут на столе появляется чёрный поднос с белыми чашками. Мы забираем напитки, и поднос исчезает под металлической крышкой столика. До чего же тут все ленивые.

– Ник, то, что я узнал, тебе не понравится, – нарушил молчание Дэрок, поправляя идеально приглаженные русые волосы.

Это его привычка с детства. Он всегда делает так, когда нервничает. Все говорят, что мы с ним не похожи, хотя у нас одинакового цвета волосы, только, в отличие от меня, брат стрижётся коротко. Внешностью я пошёл в мать, а Дэрок – в отца, а вот характеры у нас разные.

– Не тяни. Ты же знаешь, я готов ко всему, – сказал я, стуча пальцами по блестящей чашке.

– Утром мы были в лаборатории. Адам узнал идентификационный номер Мелоди в системе, и теперь у нас есть полная информация о ней.

Я до сих пор не пойму, почему Дэрок рискует должностью в корпорации ради меня. Что за игру он затеял?

– Ты знаешь, я бы не стал копаться в системе, если бы родители не были замешаны в заключении Мелоди, – продолжил брат, словно прочитал мои мысли.

– Я понимаю, спасибо.

– Рано благодарить. Всё оказалось хуже, чем я предполагал. Твоей девушке заблокировали память и изменили некоторые воспоминания, – произнёс Дэрок, ожидая от меня любую реакцию на услышанное.

Когда туман перед глазами рассеялся, я заметил извиняющийся взгляд Адама. Стоп, наш друг может помочь. Он гениальный программист, поэтому Дэрок взял его с собой.

– И что мы можем сделать? Как восстановить ей память? – спросил я, пытаюсь держать себя в руках и не вспылить, ведь Дэрок не виноват в случившемся.

Чёрт, а родители оказались настоящими чудовищами. Я делаю несколько глотков капучино, обжигающих горло. Я не чувствую вкуса, но мне становится легче.

– Есть только один вариант, – ответил Адам. Его глаза заблестели, он всегда любил авантюры. – Я незаметно для остальных отключу её микрочип, точнее, некоторые его функции. Разблокирую память и отключу функцию подавления личности. Конечно, Мелоди продолжит принимать сыворотку, но она больше не будет воздействовать на мозг...

– Что? Они пичкают её подавляющей сывороткой? Зачем? Это незаконно. Хотя меня уже ничего не удивляет. Я в бешенстве!

– Ты не знал? Её принимают все преступники в ЭО, чтобы поддерживать действие микрочипа, – объясняет Дэрк.

Уж не его ли это была идея? Надеюсь, нет. Я знал, что преступников держат под контролем, но чтобы подавлять их эмоции и действия...

– Зачем ей заблокировали память? Хочешь сказать, она меня не помнит?

– Верно. Ни тебя, ни своей работы, ни жизни в Пефоме, ничего, кроме детства и семьи. – Дэрк так спокойно об этом говорит, как будто стереть человеку память – в порядке вещей.

– Но зачем? – спросил я, хотя и так всё понимаю.

– Чтобы она не собрала заговор и не стремилась домой к тебе, – повторяет мои мысли брат. Да, на одном месте Мелоди

ди бы точно не сидела. – Но всё же она жива.

– Как долго мне придётся ждать? – спрашиваю у Адама. После слов брата «всё же она жива» меня затошнило, и я проигнорировал его.

– Дезактивация займёт не меньше недели. Над её сознанием хорошо поработали. Она не сможет всё вспомнить за один день. На это потребуется не только время, но и особые усилия.

Я понял. Ей нужно увидеть меня, чтобы найти мой образ в потаённом уголке памяти. Ей нужно услышать свои песни, чтобы вспомнить, чем она занималась. Ей нужно вернуться в Пефом, чтобы снова начать жить.

– Я могу поехать туда раньше?

Они ожидали этого вопроса, поэтому Дэроч ответил не раздумывая:

– Я не сомневался, что ты решишь поехать к ней. Нет, раньше не можешь. А ты отдаёшь отчёт в том, что тебя ждёт дальше? Придётся оставить работу, город, всё. Родители навсегда в тебе разочаруются.

– Ты не понял, что мне плевать? – говорю я Дэроку, и Адам заговорщически мне улыбается.

– Псих! Хорошо. У меня одно условие. Ты ни при каких обстоятельствах не скажешь, кто тебе помог. – Братец всё-таки переживает за свою репутацию.

– Конечно, я согласен, но они ведь всё равно узнают, что моё имя появилось в Базе Данных преступников.

– Кто тебе сказал, что ты попадёшь туда под своим именем? – спрашивает Адам.

Он всё продумал. Как я сразу не догадался. Это на некоторое время отвлечёт папочку. А если он и узнает правду, то ничего не сможет сделать. Если он попытается меня вернуть, его роскошной жизни придёт конец.

– Ты компьютерный гений, – говорю я другу, широко улыбаясь. Впервые за последнее время.

Что бы я делал без них?! Адам улыбается в ответ. Жаль, что ему пришлось выбрать науку. Он не такой, как остальные, и ему в лживом «Идеале» не место.

– Мы здесь собрались, чтобы девушку спасти или глазки строить? – Дэрок хотел нас упрекнуть, но в итоге пошутил. Мы втроём засмеялись, как в былые времена.

– Так какой у нас план? – спрашиваю я.

– Простой. Мы с Адамом снова идём в лабораторию, отключаем микрочип, регистрируем тебя в Базе, присваиваем номер, а ты ждёшь дома и никому не говоришь ни слова. И еще... Советую тебе передумать, пока не поздно, – говорит Дэрок, но последнее предложение я пропускаю мимо ушей.

– Всё-таки неделю? Я могу отправиться хотя бы в пятницу? – не унимаюсь я.

– Не передумаешь, значит, – недовольно отвечает брат. – Ладно, в пятницу вечером.

– Спасибо!

– А тебя не волнует, куда ты поедешь? На какой завод?

Что будешь там делать и прочее? – спрашивает Дэрк.

Я об этом даже не подумал, мне всё равно.

– Нет, а должно волновать? – Я абсолютно серьёзен. – Ведь вы обо всём позаботились.

Моё легкомыслие снова рассмешило парней.

– Ты хотя бы знаешь, как будешь действовать? Придётся нелегко, учитывая то, что Мелоди тебя не узнает, – спрашивает Дэрк.

Он уже не знает, что бы придумать, лишь бы я изменил своё решение. Это пустая трата его драгоценного времени.

– Буду импровизировать, – говорю я и мысленно добавляю: «И буду счастлив с ней».

– Ты безнадежен, – вздыхает брат. Адам пальцем рисует сердечки в воздухе.

– Я знаю, – соглашаюсь я и по-дружески стучаю Адама кулаком в плечо, чтобы он прекратил смеяться надо мной. Хоть у кого-то из мира науки осталось чувство юмора. – Парни, я перед вами в долгу.

– Не знаю, стоит ли благодарить за то, что мы дарим тебе билет в один конец. Ты не сможешь вернуться... – напоминает Дэрк, но знает, что я не откажусь от единственного шанса спасти Мелоди. Он бы не предложил, если бы не был уверен во мне.

Я киваю в ответ и виновато улыбаюсь. У меня нет другого выбора. Родители не выпустят Мелоди оттуда, она для них больше не угроза. Сейчас я молча соглашаюсь с братом. Мне

всё равно, где жить. Главное, я снова увижу любимую.

Вечером, когда я вернулся домой, мне позвонил Адам с подробной информацией о Мел.

– Как ты? – спрашивает он.

Через ноутскрин я вижу, что друг сидит на мраморной лестнице своего пентхауса в одних джинсах и курит. Через его окно, я вижу, как стемнело на улице. Для жителей Пефома такое время – самый разгар веселья. Я живу недалеко от набережной, поэтому шума ночью не избежать.

– В порядке, – отвечаю я, забыв, что Адам тоже меня видит. Он знает, когда я вру, но делает вид, что поверил.

После нашего разговора в кафе я весь день катался по городу, пытаюсь забыть слова брата: «Ты не сможешь вернуться». Я могу привыкнуть к жизни на заводе, а вот Мелоди, вспомнив прошлое, не сможет смириться с действительностью, не сможет простить предательства.

– Эй, Ник. – Голограмма Адама щёлкает пальцами возле моего лица. – Ты тут?

– Да, задумался, – объясняю я и делаю очередной глоток коньяка прямо из бутылки. Последний раз Адам видел меня с крепким алкоголем, когда мне исполнилось восемнадцать. – Так что ты узнал в лаборатории? У вас получилось?

– Спрашиваешь тоже, мы отлично поработали! Пришлось

потрудиться, чтобы коллеги не заметили изменений в системе, но Дэррок меня прикрыл. Как и говорил, я отключил микрочип Мелоди и сделал лишь видимость, что он работает и реагирует на её сны. Память постепенно начнёт возвращаться.

– Сны? – удивился я. Это что-то новенькое.

– Ну да. Если объект ЭО со стёртой памятью начинает что-то вспоминать, то через его сны зрители могут отследить ненужные воспоминания, – объясняет Адам.

– Попрошу не называть мою девушку объектом Экспериментального Общества.

– Прости, привычка, – говорит друг и виновато пожимает плечами.

Он слишком добродушен для мира псевдонауки. Даю себе слово, что вытащу и его из стен «Идеала».

– Спасибо, если бы не ты...

– Да-да, ты бы пропал, – смеётся он. – Это ещё не всё. Ты хочешь узнать, где находится Мелоди? – (Я киваю, другого ответа он и не ждал). – На заводе по производству одежды в Далласе. Она живёт в Корпусе на одном этаже с преступниками. Её соседка по комнате отбывает там пожизненный срок за убийство.

– Что? Мелоди живёт с преступницей? Этого я и боялся...

– Не переживай. Эта девушка тоже ничего не помнит и не представляет угрозы для Мел, – объясняет Адам.

От этого мне легче не стало. Живёт с убийцей. Родители

обо всём позаботились, подобрали хорошую компанию.

– Понятно, – ответил я и сделал последний глоток спиртного.

– Я могу показать тебе её, – сказал друг после затянувшейся паузы.

– Что? Как?

Я воодушевился предложением.

– Корпус ЭО полностью оснащён камерами слежения. На первом этаже на стенах висят зеркала, за которыми сидят наши люди. – На слове «наши» Адам вздохнул. Знаю, ему тоже не нравится новая система. – Они следят за происходящим в помещении, но никогда не вмешиваются. Сейчас охрана не является необходимым элементом ЭО.

Всё серьёзней, чем я предполагал. Раньше было по-другому. Раньше вообще не было никаких экспериментов.

– И? – спрашиваю я и с нетерпением жду продолжения.

– Я могу свободно подключиться к их Сети и посмотреть запись онлайн. Прямой эфир из ЭО. Ты забыл, что я работаю программистом в «Идеале»?

Адам никогда не хвастался должностью и не считал себя выше меня по социальному статусу, но сейчас пора бы.

– Ты гений! Подключайся, – прошу я, не в силах больше ждать.

– Уже. Осталось подключить тебя к моему ноутскрину. Подтверди код, – сказал Адам, и я ввёл в окошко число 1703. – Смотри. Это комната Мелоди.

Я затаил дыхание, когда голограмма Адама сменилась прекрасным лицом Мел. Надо же, она так далеко от меня, но всё же здесь, так близко. Моя девочка. Я и мечтать не мог, что снова её увижу.

Сначала Адам показал мне её комнату и соседку. С виду нормальная девушка, я бы не подумал, что она убийца. Да, условия жизни здесь паршивые. Что ещё ожидать от жаждущих власти людей?

Мелоди лежит на узкой кровати, перебирая распущенные волосы. Она всегда так делала, когда о чём-то думала. На ней тёмно-зелёная футболка и такого же цвета спортивные штаны. В обычной жизни ей бы не понравился такой прикид. По сравнению с соседкой, глаза у Мелоди ясные и понимающие. Я вспомнил, что Адам с Дэроком отключили её микрочип, поэтому мысли Мел стали проясняться, а подавляющая сы-воротка на неё больше не подействует.

Адам сделал крупный план на её лицо. Бедная, даже не знает, что её снимают, следят за ней, изучают. Ладно бы только я... Но и десятки учёных, которые пару раз в день наблюдают за её поведением. Может, мои мать с отцом тоже иногда просматривают записи с распорядком дня Мелоди, а может, и нет, ведь их миссия уже выполнена.

Я вижу каждую черту её лица – ямочки на щеках, карие глаза, пухлые губы. Так непривычно видеть Мел отчаявшейся и неулыбающейся, непривычно видеть её без макияжа, без длинных ресниц, розовой помады и фиолетовых линз. Она

прекрасна, что бы ни говорила. Мелоди не допускала, чтобы публика видела её ненакрашенной. Ей казалось, что она не соответствует этим до жути ухоженным людям, а я всегда говорил обратное. Она шикарная девушка, каких только поискать.

Голограмма стала исчезать и покрываться помехами. Последнее, что я увидел – поднятые уголки губ Мелоди. Она ухмыляется. Картинка из Корпуса пропала, и снова появился Дэрок.

– Что случилось? – спросил я.

– Кто-то из лаборатории запросил доступ к камерам, встроенным в комнате Мелоди. Мне пришлось отключиться, чтобы не вызвать подозрений. Прости, – сказал Адам.

Я его не виню. Он лучший.

– Это ты прости, что приходится из-за меня рисковать, – сказал я и крепко сжал ноутскрин в руках. Вдруг, если я так буду делать, Мелоди вернётся обратно?

– Мы же друзья, не думай об этом! Кстати, запись сохранилась в памяти твоего ноута, можешь пересмотреть.

– Супер. Хочу побыть один.

Нужно остаться наедине со своими мыслями и придумать план.

– Отдыхай, старик, и не наделай глупостей, – сказал Адам.

– Постараюсь. До связи, Адам, – попрощался я, и друг понимающе кивнул.

Я вовремя отключил ноутскрин. Мои глаза наполнились

обжигающими слезами. Мне не стыдно, пусть бы все увидели. Я спасу малышку, вытащу из ада, даже если это будет последний поступок, который совершу.

Глава 4. Николас. Ожидание

*Она – предел твоих мечтаний,
В твоих мыслях лишь она одна...
(Отрывок из стихотворения «Мечта»)*

Утром, собираясь на работу, я вспомнил, что сегодня двенадцатое апреля. У меня запланирована встреча с молодым писателем. До отъезда хочу убедиться, что произведение Майка издадут.

– Доброе утро, Николас! – Не успел я выйти из лифта, как меня поприветствовала Майли. Я заулыбался. Второй день замечаю, что чаще радуюсь мелочам.

– Привет, Майли, – ответил я, и она тоже широко улыбнулась. Наверное, мысленно ищет причину моего приподнятого настроения. Я бы поделился с ней новостями, но боюсь, что она кому-нибудь разболтает, а рисковать нельзя.

Майли и вручила мне листок с именами новых клиентов издательства. Остальные административные сотрудники тоже расселись за рабочие места. Обычно они пропадают в кафе на первом этаже. Как же они могли пропустить позитивный настрой мистера Миллера? Я, как всегда, сделал вид, что не замечаю их восторженных взглядов.

Сюда бы Адама вместо меня, он любит женское внима-

ние. Когда у нас в школе была своя рок-группа, он только и делал, что хвастался девушкам, что круто играет на гитаре. Так и есть, он хороший гитарист, и ему это было на руку. А для меня девушки – просто девушки, думающие только о внешности. Не более. У трёх секретарш из семи в волосы вплетены разноцветные дреды, у четырёх пирсинг, и всех едва останавливает принятый корпоративным кодексом дресс-код. Они всё равно умудряются выставить напоказ искусственную грудь. Во времена молодости моей мамы увеличение всевозможных частей тела было болезненной процедурой, а сейчас этих проблем нет. Поэтому девушки напоявал кинулись к пластическим хирургам (которые, кстати, уже заработали целое состояние) увеличивать всё, что только можно. Вот за что я люблю Мелоди. Она не силиконовая кукла.

– Спасибо, – ответил я и перевёл тему, – позвони мне, когда придёт мистер Стюарт.

Майли кивнула и вернулась к составлению отчётов на ноутскрине. Я взял её на работу несколько лет назад, потому что она не ведёт себя в моём присутствии, как влюблённая девчонка, и выглядит скромнее, чем многие жители Пефома. У неё короткие рыжие волосы, и, судя по подтянутой фигуре и ухоженной коже, она ведёт здоровый образ жизни.

До обеда я просидел без дела, просматривая снова и снова вчерашнюю запись из комнаты Мел. Я попросил Адама, чтобы он хоть на несколько секунд подключился к Сети Кор-

пуса, и он сделал это для меня. Видео длится около пяти минут. Адам застал девушек за завтраком, и мне показалось, Мел была в хорошем настроении, а её соседка снова угрюма. Мелоди что-то спрашивала у неё, но вместо ответа девушка только кивала, не отрывая взгляда от тарелки. Компания Мел досталась не самая лучшая. Недолго ей осталось скучать. Будь моя воля, я бы сегодня сорвался в проклятый Даллас, в город, где заточена Мел, но есть уговор. Пятница – мой день. Сегодня только вторник.

Майк пришёл как раз в обеденный перерыв, поэтому мы спустились на первый этаж в кафе. Я не хочу, чтобы он снова чувствовал себя неловко в моём кабинете. Кафе в «Пэфом Пабблишинг» попроще, чем «Новая эра», где мы недавно обедали с Адамом и Дэроком, но декором и оформлением ничуть не уступает. Здесь мне комфортней. Здесь легко затеряться в толпе среди таких же простых людей, как и я сам. Простых, но в то же время особенных. Вот почему я выбрал эту жизнь, а не «Идеал». Люди вокруг что-то бурно обсуждают, все столики заняты, в помещении пахнет горячим шоколадом. Иногда ко мне подходят коллеги, чтобы поздороваться: редакторы, журналисты, корректоры, маркетологи и другие креативные специалисты. Они мне нравятся, и я не прочь пообщаться. Мел приучила меня к болтовне, раньше я был замкнут и неразговорчив. С её уходом во мне снова проснулся сноб.

В этот раз беседа с Майком протекала легче и непринуждённой. Мы заказали по чашке кофе и пирог со сгущёнкой. Это любимый завтрак Мел. Она всегда со мной.

– Это всё, что ты хотел обсудить, Майк? – спросил я, после того как указал парню на все допущенные им ошибки. Их немного, но поработать над текстом стоило. Теперь производство безупречно. Обязательно скажу Мелоди, чтобы она прочитала «Лучи солнечной системы», книгу восходящей звезды.

– Кажется, да, – неуверенно ответил Майк. Он даже не представляет, насколько талантлив.

На парне фиолетовая футболка (в тон волосам) со светящимися пришитыми планетами. Он станет популярным среди подростков, но я не поэтому взялся за его произведение. Никогда не просчитываю, сколько прибыли получу, работая с тем или иным писателем.

– Если появятся вопросы, звони до выходных. В пятницу подпишу книгу в печать, – сказал я, допивая кофе.

Время перерыва подходит к концу, но я могу не спешить. Сегодня встреч больше не запланировано.

– Меня всё устраивает, – сказал Майк.

Жаль, я не застаю времени, когда он прославится. Хотя...

– Небесно! – Я ненамеренно повторил любимое слово Майка, оно мне понравилось. Парень смущённо заулыбался.

– А почему в пятницу? Я думал, это долгий процесс, и моя книга не скоро окажется в магазинах, – удивился Майк.

– Я ухожу в отпуск, поэтому хочу закончить начатое. Тем более мне нравится твоя книга.

Мой ответ приятно шокировал писателя, он ненадолго задумался и сказал:

– А мне нравится ваша новая татуировка!

Остаток дня я провёл с улыбкой на лице. Рад, что сделал весомый вклад в современную литературу, открыв новый талант в лице Майка Стюарта. Я, конечно, смогу с ним связаться из ЭО, если Дэрк позволит взять с собой ноутскрин. Я хочу быть уверен, что книги молодого писателя попадут во все магазины города, а потом и страны. Сейчас только особенные книги принимают бумажный вид, большинство новых произведений продаются на электронных площадках. Мне это не нравится, но как бы наше издательство ни боролось с книжной дискриминацией, господа из «Идеала» не изменят решения. Их не понять. Они стремятся к Идеальному Обществу, но в то же время экономят на бумаге. Учёные сами всё решают, хоть и во главе нашей страны – президент. Это только лживая видимость... Давно я не был так заинтересован в успехе автора, как сейчас, поэтому сделаю всё возможное, чтобы его труды заметили. Майк меня вдохновил.

Вечером я зашёл в комнату, в которой не был почти полгода. Она слишком долго была заперта. В моей квартире три комнаты, одна из них отведена звукозаписывающей студии. Я намеренно не заходил сюда. Мы с Мелоди много времени

проводили в этих стенах. Ей нравилось слушать, как я играю на гитаре, а мне – как она поёт. Это был наш маленький мир, в котором никто не мог нас потревожить. Сейчас мне нечего делать здесь без Мел. Я забросил музыку и всё, что было с ней связано. Мелоди бы это не понравилось. Мысли о ней подтолкнули меня сюда.

Ничего не изменилось с того раза, как мы записывали нашу последнюю песню «Как бабочка». Мел написала её года три назад и пела только для близких, а недавно решила включить в новый альбом. К сожалению, наша первая совместная пластинка так и осталась невыпущенной. Я свёл семь песен и подготовил к релизу, но когда Мелоди пропала, решил оставить их в подвешенном состоянии. Мне нравилось работать вместе.

Все музыкальные инструменты лежат на местах, кроме электрогитары. Мелоди однажды попросила, чтобы я научил её играть. После того как она записала вокал для песни «Как бабочка», мы просидели в студии ещё часов шесть. Отвлекались только на кофе. Сначала мы сидели на красном кожаном диване, потом устроились на паркетном полу. Горжусь Мелоди. За короткий срок она выучила несколько аккордов и свободно могла сыграть простую композицию. У неё талант.

Я поднял белую электрогитару и повесил рядом с тремя другими и двумя акустическими. Одеяло и подушки до сих пор лежат на пыльном полу напротив окна. В ту ночь мы

уснули в студии. Я так и не уговорил Мел переехать ко мне – она хотела продлить романтический период. На тот момент мы встречались два года, но я был готов ждать и дольше, лишь бы она была со мной.

– Я люблю тебя, Мелоди, – прошептал я в ту ночь.

– Кажется, и я тебя, – ответила она вместо привычного «я знаю».

Я был счастлив, как никогда раньше. Я не отпускал её из объятий до самого утра. Через неделю мы отметили вторую годовщину отношений и больше не виделись. Точнее, я видел её на главной площади в день обвинения...

Мы даже не успели попрощаться, а в то рабочее утро практически не разговаривали, она собирала информацию для своей новой статьи. Потом неожиданно в издательство заявились стражи порядка, обвинили Мел в преступлении и нацепили наручники. Я бежал за ними и просил отпустить, даже угрожал, но это не помогло, они меня не слушали, хладнокровно выполняли приказ.

Как и всем преступникам, президент лично вынес Мелоди приговор. Это видели сотни людей, на их лицах было написано разочарование. Я ничего не мог сделать для Мел, только крикнул вслед, что найду её. Слышала ли это Мелоди? Она казалась сильной, ни одна слезинка не скатилась. Никогда не забуду тот судный день, но хочу, чтобы забыла Мел. Я не допущу, чтобы она и дальше страдала по моей вине.

Побыв пару минут в студии, я почувствовал присутствие Мелоди. Здесь всё придумано ею. Начиная от стены, обклеенной бумажными листами с текстами её песен и нотами, заканчивая цветными узорчатыми обоями.

– У тебя совершенно нет чувства стиля, Николас, – говорила она мне. Мелоди редко называла меня полным именем, но я любил эти мгновения.

Немного поколебавшись, я взял акустическую гитару и сел на удобный для работы стул. Струны покрылись пылью, а раньше гриф блестел от пальцев. Ни дня я не провёл, чтобы не поиграть на гитаре. Так было тогда и сейчас мне снова придётся расстаться с музыкальными инструментами. Взять их с собой я точно не смогу, но в силах кое-что сделать, пока не уеду... Ради любимой девушки.

Я на слух настроил гитару, удивился, что даже не пришлось менять пыльные струны на новые. Отвыкшие пальцы задрожали в предвкушении. Новая мелодия появилась в голове так же неожиданно, как решение снова прийти в студию. Аккорд за аккордом, перебор и лёгкий бой. Снова перебор и на припеве бой. Неужели родилась новая песня? Она грустная, но оставляет надежду на лучшее будущее. Я должен подарить её Мелоди.

– Давай громче, красавчик! Ты забыл, что я хорошо пою? – часто шутила Мел, когда я играл буквально себе под нос. Как я мог забыть, что её голос – настоящий дар небес?

Добившись идеального звучания на гитаре, я сел за бара-

банную установку. «Держи ритм», – слышится повсюду голос Мел. Она звонко смеялась и хлопала в ладоши, когда я палочками отбивал партии. Для этой песни барабаны нужны только в припеве для того, чтобы создать желаемое звучание. Я освоил игру на ударных, будучи подростком, как и на гитаре. Папа всегда был против музыки и всячески пытался отговорить меня играть. Хотя над чем-то в этом мире он не имеет власти.

Барабаны записаны. Подошла очередь клавиш. Они нужны мне для двух куплетов. Руки долго привыкали к инструменту, но я смог преодолеть дрожь и внезапно возникший страх. Ради Мел. Ей понравится. Надеюсь. Когда меня наконец устроило, как звучат клавиши, я записал и их. Потом свёл все три дорожки в одну через программу на ноутскрипте. Современные группы в основном создают искусственную музыку, а некоторые из них даже никогда в руках и гитары не держали. Скоро они станут таким же раритетом, как и кнопочные телефоны. Всё усовершенствовано до идиотизма, идеально продумано. Я так не могу. Сыграл, записал дорожки, послушал результат... Иначе не будет смысла. Песня должна литься из души.

В пятницу я отработал полный рабочий день. Майли удивилась моему незапланированному отпуску.

– Пусть мой кабинет будет закрыт, – попросил я секретаршу, а про себя добавил: «Пока вы не найдёте нового главного редактора».

– Хорошо, Николас, я прослежу, – ответила она.

Я предложил ей вместе выпить чашку кофе на прощание. Скорее всего, я не скоро её увижу, а может, не увижу вообще. Верю в лучшее, потому что хочу вернуться в «Пефом Паблшинг» с Мелоди.

– И ещё. Займись Майком, пока меня нет. Я возлагаю на него большие надежды.

– Мне он тоже показался перспективным парнем. Хорошо, я займусь продвижением его книг, – пообещала Майли.

Я благодарен, что она не задаёт лишних вопросов по поводу моего бессрочного отпуска. Наверное, думает, что мне нужен отдых. Рано или поздно все узнают правду, но я уже буду далеко.

Мы доели пиццу, Майли пожелала мне удачи и понадеялась на моё скорое возвращение. Я буду скучать по издательству, но гораздо сильнее я скучаю по Мел. Я достал из ящика своего стола её ноутскрин, где он лежал всё это время. Её планшетник, скорее всего, изъяли, а мне понадобится предмет, который поможет Мелоди вспомнить прошлое. Я несколько раз обошёл кабинет. Он всегда казался мне большим для одного человека. Последний раз взглянул в офисное окно. Вечер только начинается, а на улицах уже полно

народа. Кто-то спешит домой с работы, кто-то уже едет отдыхать в бар или в другое шумное место. Люди выглядят такими маленькими с высоты девятого этажа, а я – таким жалким по сравнению с ними. Никто из них даже не подозревает о существовании такого жуткого места, как ЭО, а мне ещё предстоит узнать...

Попрощавшись с коллегами, я отправился в новую жизнь. Одни проводили меня радостными взглядами, остальные – сочувственными. Уверен, и те и другие желают только добра. Они на протяжении полугода видели, что я безвылазно сижу на работе.

Пока я ехал, Дэрок прислал мне сообщение на ноутскрин: «Мы с Адамом будем через час возле твоего дома. Оденься во всё чёрное. До встречи». Насчёт одежды я понял. Чёрный цвет нужен, чтобы не привлекать внимание. Будет крупный скандал, когда все узнают, что Николас Миллер отбывает срок за преступление. А вот зачем с нами поедет Адам? Мне же лучше, Дэрок не будет доставать просьбами, чтобы я одумался. Мы оба понимаем, что уже поздно. Назад дороги нет. Я и не рассматривал такой вариант. Я найду Мелоди.

Когда я вернулся домой, у меня осталось ровно сорок шесть минут. На что их потратить? Мне даже не с кем попрощаться. Был бы у меня кот, пришлось бы отдать питомца в хорошие руки. Остались бы у меня друзья, пришлось бы убедить их, что всё будет хорошо. Если бы я ещё выступал на сцене, мой менеджер заставил бы меня отправиться в про-

щальный тур. Домашних животных у меня нет, с друзьями я уже долгое время не общаюсь, фанаты давно свыклись с мыслью, что без Мел я выступать никогда не стану. Мне не за кого переживать и не о чем жалеть.

Чемодан собирать не нужно, на заводе вещи мне точно не понадобятся – видел жуткую рабочую форму. Я ничего не могу с собой взять, только воспоминания и надежду... И наши ноутскрины в помощь. Я спрячу их в кроссовках, чтобы Дэрок не возмущался лишний раз. Мне нужна какая-то зацепка за внешний мир, чтобы как можно скорей вернуть память любимой.

Я последний раз зашёл в домашний душ, последний раз посмотрел на себя в зеркало. Вид уставший, глаза горят. Я счастлив. Последний раз сварил кофе, неизвестно, чем кормят в ЭО. Последний раз переоделся в свою одежду. Джинсы, футболка и кепка. Всё чёрное, как попросил брат. Обычно я ношу серые, голубые или фиолетовые вещи. По настроению или по совету Мелоди.

Оставшееся время слушал песню, что недавно записал. От первой до последней ноты она отражает моё эмоциональное состояние. Думаю, чувства Мелоди ничуть не отличаются. Неопределённость, страх и пустота.

В последние минуты до выхода я зашёл в студию. Провёл рукой по инструментам. Мне невыносимо захотелось поиграть одновременно на всех. Невозможно? Я не успел даже сесть за один, как мой ноутскрин зазвонил. Это Дэрок. По-

ра на улицу. Я бросил последний взгляд на любимую гитару и закрыл дверь, молясь в следующий раз вернуться сюда с Мелоди.

По дороге к аэромобилю брата я не встретил ни одного знакомого. Для вечера пятницы – неудивительно. Веселье сейчас в самом разгаре. 20:15. Я запомнил это время, время моего освобождения. Я опустил голову и зашагал к месту, где припарковались Дэрк с Адамом. Я оглянулся на свой дом, хотел посмотреть на зашторенное окно, как будто из него кто-то помашет рукой, но вечернее солнце не позволило этого сделать. Я давно не замечал, что небо на закате так восхитительно красиво. Часто не замечаешь тех вещей, с которыми ещё не успел попрощаться. Я вижу голубое небо последний раз. Сегодня всё последний раз, если, конечно, мы не выберемся из ЭО.

Дверь белого аэромобиля автоматически поднялась вверх, как только я подошёл. Его нельзя спутать с обычной машиной, но есть и некоторые сходства. Такой же формы металлический корпус, только большего размера, такие же стеклянные окна, только овальные, такой же руль и принцип управления. Самое главное отличие – отсутствие колёс и наличие гравитационной подушки у аэромобиля. Чтобы парить в воздухе, они ему не нужны, а чтобы приземлиться, есть специальные парковочные рельсы для аэромобилей, проведённые по всему городу. Я предпочитаю авто-

мобили, в них чувствуешь скорость и движение, чувствуешь себя обычным человеком. Жаль, что мне пришлось оставить свой «Мини Купер» ржаветь в гараже.

– Привет, Ник, – одновременно поздоровались парни.

– Привет. Как настроение? – спросил я. По взгляду Дэрка я понял, что он не поверил в искренность моей улыбки.

– Шутишь? Мы с тобой, можно сказать, прощаемся, – серьёзно сказал он и взялся за руль, чтобы взлететь.

Салон в аэромобиле настолько большой, что можно выпрямиться в полный рост. Я сел рядом с Адамом на бежевое кожаное сидение, сзади водительского. Пожал другу руку и ответил брату на риторический вопрос.

– Давай не портить приятное впечатление, что у меня о тебе осталось, – сказал я с усмешкой.

Адам подхватил моё приподнятое настроение и предложил что-нибудь выпить. Брат бросил на него скептический взгляд, но возражать не стал.

– Давай не портить, – согласился Дэрк, и я победно улыбнулся.

Адам достал нам из мини-бара по бутылке слабоалкогольного напитка. Это последний раз, когда я пью спиртное. Сегодня можно, мы же везём меня в тюрьму.

– Полетели. И знай, я не буду винить себя всю жизнь, – сказал Дэрк. Аэромобиль плавно поднялся в воздух.

Я хотел сказать ему: «Зато ты навсегда останешься любимчиком в семье», но вместо этого молча кивнул. Мы с

Адамом переглянулись и обменялись улыбками. Несколько минут мы сидели в тишине, пока пили вишнёвый коктейль, а Дэрк вёз нас в Даллас – городок по производству одежды. Он сказал, что дорога займёт около часа, несмотря на то, что аэромобиль развивает большую скорость. Далековато Мелоди от меня. Я никогда там не был, да и никто там не был уже лет десять, кроме представителей «Идеала». Всем остальным пришлось забыть о городах производственного назначения. Они поставляют нам одежду, продукты, лекарство, поэтому никто из Пефома не жалуется. Наше Общество строго разграничено. Все согласны, лишь бы жить в роскоши и достатке.

Мы не слишком высоко поднялись над землёй, поэтому можно смотреть в напольное окно и наблюдать за тем, что происходит внизу. По бокам от нас летают такие же аэромобили, только разных цветов. Под нами остался мой родной город Пефом. Позади оранжевое солнце, которое почти утонуло в синем море.

Мы с Мелоди любили гулять вечером по пляжу и плескаться в одежде. Она собирала волосы в пучок, надевала короткий топ и шорты, снимала цветные линзы и становилась беззаботной Мел. Я не мог налюбоваться ею. Мы бегали босиком по горячему песку, остальные отдыхающие смотрели на нас то ли с восхищением, то ли с насмешкой. Все нас узнавали, но в такие моменты ни один репортёр не осмеливался к нам подойти. Хоть какое-то чувство неприкосновенности.

Правда, всё равно снимали издалека.

Когда мы сидели на берегу в воде, мне нравилось щеко-
тать Мелоди за пятки. Она смеялась так звонко, что, каза-
лось, птицы подпевают ей. Потом я гладил её татуировку в
форме бабочки на внешней стороне левой ступни. Мелоди
сделала её до нашего знакомства, когда написала песню «Как
бабочка». Крылья направлены вверх, в небо. Иногда возни-
кает ощущение, что Мел сама вот-вот взлетит. Иногда она
кажется хрупкой.

– Ник, эй, поговорить надо, – нарушил молчание Дэрок и
странно на меня посмотрел. Я понял, что по-идиотски улы-
баюсь. Он вздохнул и продолжил: – Мы с Адамом сегодня
утром сделали тебе браслет с личным идентификационным
номером. Его одевают всем преступникам для слежения за
объектом. Когда ты будешь заходить в Корпус, тебе нужно
прикоснуться браслетом к пропускной панели. Не удивляй-
ся, что услышишь чужое имя. Теперь тебе нужно представ-
ляться как Томас Миртл. Запомнишь?

– Не могли имя поинтересней придумать? – спросил я.

Моего давно умершего кота звали Том, и это вызвало у
меня очередную глупую улыбку. Брату вопрос смешным не
показался.

– Послушай, я же не мог так просто занести в Базу Данных
твоё имя! – Похоже, он слегка разозлился. – Родители сразу
бы это заметили. Сложно не заметить имя своего сына среди
преступников, верно?

– Ладно-ладно, я не подумал. А что, если меня узнают? Я же не могу сказать, что стал Томом, чтобы найти свою девушку. Наверняка они уже узнали и Мел.

– Если и так, то ничего не спросят. У половины людей стёрта память, им точно не до вас. А другая половина находится под действием подавляющей сыворотки. Если у них и вспыхнет в памяти твой образ или песни, то ничего вслух не скажут. Ты думаешь, всё так просто? Думаешь, этих людей без причины отправили работать на завод? За ними тщательно наблюдают специалисты. Если заметят какое-то отклонение от нормы, то сразу же примут меры.

У брата загорелись глаза во время разговора про научный бред. Клянусь, я видел. Как я мог пропустить тот момент, когда он стал таким же чудовищем, как остальные значимые персоны «Идеала»? Мне снова пришлось молча согласиться, иначе моему плану придёт конец.

– Есть ещё один нюанс. Обычно микрочип вживляют в плечо, надеюсь, не нужно повторять его главные функции. Тебе мы этого делать не станем, так что, придётся хранить чип поближе к телу и подальше от посторонних глаз, – проинструктировал Дэрк, и Адам протянул мне коробочку, в каких дарят кольца, только раза в три меньше.

Как чип будет работать, не находясь внутри меня? Никогда мне не понять принципы новых технологий. Не буду сейчас открывать «подарок», не хочу видеть штуку, которая выбила из сознания Мелоди все воспоминания.

– Здорово вы подготовились, – сказал я как можно тише, чтобы услышал только Адам.

Сегодня друг выглядит уставшим, его волосы взъерошены, на нём простая футболка и джинсы. Наверное, успел переодеться после работы, в лаборатории «Идеала» не позволительно расхаживать в таком виде. Всё в работнике должно быть идеально. Смешно, правда?

Адам кивнул и открыл себе вторую бутылку, я отказался.

– И ещё тебе придётся носить это, – сказал он, застёгивая на моём запястье самый обычный на первый взгляд браслет.

Сначала я подумал, что вся нужная информация находится внутри тонкого незамысловатого механизма. Когда присмотрелся, заметил, что на браслете переливаются цифры, составляющие код: 02-0001815-01-02. Теперь я объект наблюдения. Едва удержался, чтобы не рассмеяться. Как лихо всё продумано.

– Чёрт, я до конца жизни вам обязан.

Брат посмотрел на меня так, словно хотел сказать: «Недолго тебе жить с чувством долга, братишка», но воздержался от комментария. Адам жестом показал, что пьёт за меня, и снова наступила тишина.

Чтобы отвлечься, я стал смотреть в окно, поглаживая пропуск к Мел – браслет с кодом на правой руке. Проводил взглядом удаляющиеся высотки, море, солнце и цивилизацию. Как только мы оказались за пределами Пефрома, в небе стало меньше аэромобилей. Может, я их не замечаю, потому

что уже смеркается.

Мы преодолели полпути. Ехать осталось недолго, и эта мысль заставила улыбнуться. Прежде я никогда не видел столько незастроенной земли, видимо, мы пролетели все населённые города страны. Впереди поля и редкие полосы деревьев. В Пефоме почти не осталось живого места, сплошной асфальт, а здесь столько простора и свободы для растений и зверей.

Когда Дэрк снова нарушил тишину, я лишь кивал. Он сказал, что я буду жить на втором этаже с каким-то парнем по имени Шон, а работать в одной секции вместе с Мелоди. Если честно, не особо придавал значение словам брата, потому что мне абсолютно всё равно, с кем придётся жить в одной комнате и какую должность занимать на заводе. Потом он сказал, что проверил этого парня. Шон отбывает срок за финансовые манипуляции. Мне с соседом повезло больше, чем Мел. Теперь я точно знаю, что он никого не убивал, и с памятью у него всё в порядке. Этой информации достаточно. Я туда еду не друзей заводить.

– Ник, ты слышишь меня? – Брат явно пытается мне помочь. – В понедельник ты отправишься на работу. Твой сосед поможет во всём разобраться. Вы будете вместе работать и заниматься одним и тем же делом.

– Понял, не дурак, – ответил я. И в кого он такой зануда?

– И запомни самое важное: ты должен вести себя тихо и неприметно, как все остальные. А лучше попытайся стать

невидимкой, чтобы не привлекать лишнего внимания, – проинструктировал Дэрок.

Он забыл, что я мастер маскировки? Я кивнул, хотя брат не мог этого видеть, потому что сидит за рулём аэромобиля и сосредоточен на воздушном пространстве.

– Кстати, когда Мел придёт в себя, убеди её, чтобы она больше не принимала подавляющую сыворотку по пятницам. Её микрочип отключен, но стоит перестраховаться. Над её сознанием и так знатно потрудились, – вмешался Адам. Благодарен ему за то, что перебил брата.

– Я уже догадался, – сказал я и ещё раз взглянул в окно. Кажется, мы почти на месте. Что-то не так на этой Богом забытой земле...

– Уже решил, что будешь делать, когда наладишь отношения с Мел? – тихо спросил Адам. Он и сам понимает, что Дэрока лучше не вмешивать в этот разговор.

– Буду счастлив, – ответил, не солгав. Друг одобрительно кивнул.

Я вытащу нас оттуда. Моя девушка не будет всю жизнь работать на моих родителей. Мы вернёмся, если не в Пефом, то в другой город. Конечно, вслух это не произнесу. Адам имеет право знать, но Дэроку я не доверяю.

Внизу появился белый указатель, на котором зелёным написано «Даллас». Не знающий всей правды человек не заметил бы ничего подозрительного. Обычный городок по производству одежды, но мы-то знаем, что поблизости скрывает-

ся Корпус, и всюду развивается Экспериментальное Общество. Я затаил дыхание, когда понял, что именно здесь не так. Под нами простирается небольшой город со скромными пятиэтажными домами, в которых свет почти не горит. Вроде ничего особенного, хотя такие дома – редкость. Когда мы пролетели чуть дальше, я увидел большое зелёное здание со светящимися буквами. Такое ощущение, что попал в Изумрудный Город.

– Это и есть знаменитая швейная фабрика, – объяснил Дэрок, заметив наши с Адамом удивлённые лица.

Точно, я и забыл, что видел это здание на фотографиях. Ещё в школе на уроках истории мы изучали все существующие крупные заводы страны. Только ни один учитель не говорил, что здесь, помимо производства, незаконно используют труд людей. Конечно, я узнал это от родителей, и мне приходилось хранить страшную тайну, но большинство людей даже не представляют, что происходит на самом деле.

– А что за пределами города? – спросил я. Этого на уроках нам тоже не рассказывали.

– Корпус для преступников. Собственно, это и есть ЭО, – гордо ответил брат, пребывающий в необъятном плену науки.

– Почему жители Далласа до сих пор не знают? Наверняка возникла бы шумиха. – Я не смог скрыть возмущения.

– Во-первых, эти люди не выезжают за пределы города, они практически оторваны от внешнего мира. А во-вторых,

они знают о преступниках. Их мэр всё держит под контролем. Они думают, что это обычная тюрьма. Так думают в каждом городе, где есть ЭО.

Очередная ложь. Сколько ещё информации скрывают со-трудники «Идеала»? Сколько планируется таких «тюрем»? Или уже достаточно? Сколько заводов, столько и Корпусов, это я знаю. Их можно по пальцам пересчитать:

швейная фабрика в Далласе;

фармацевтический завод в Детройте;

ресурсообработывающий завод в Финиксе;

химический завод в Гамильтоне;

производственный завод в Нью-Йорке – самый крупный.

Он специализируется на продуктах питания.

Пять заводов разбросаны по уголкам страны. «Идеал» сотрудничает со всеми городами. Наша элита держит народ в неведении. Учёные, когда начался эксперимент, оставили только пять старых названий городов, а таким, как Пефом, присвоили новые. Насколько я знаю из рассказов мамы, Пефом – это объединение нескольких городов, его основали ещё задолго до моего рождения. Казалось бы, всё прекрасно. Страна процветает, полно свободных рабочих мест, побеждена безработица, но цена идеальной жизни – человеческие судьбы и свобода... Скоро я испытаю все прелести ЭО на собственной шкуре.

– Ты, наверное, гордишься «Идеалом»? – Это был упрёк, но брат воспринял вопрос за комплимент. Адам подавил смешок.

– Естественно. Всё слаженно и органично работает. Подумать только, что у истоков новой системы стоит наш дед.

На секунду брат показался счастливым, хотя он наоборот помрачнел. Мы оба знаем, что дедушка преследовал другую идеологию.

Мы быстро пролетели город и фабрику. Оказалось, что она разделяет Даллас и Корпус. Между ними повис непроходимый туман. Такое заметное разделение создано искусственным путём. Всё должно быть идеально, недоступно и скрыто. Увидеть это можно только с высоты полёта.

Когда мы стали снижаться, я понял, что это последние минуты, проведённые в компании лучшего друга и предателя-брата. Постараюсь надолго запомнить это мгновение. Кажется, Адам чувствует то же самое.

– Звони мне, – прошептал он и на всякий случай громко кашлянул.

Мне оставалось только кивнуть. Адам точно догадался, что я прихватил ноутскрины. Значит, брат тоже закрыл глаза на мои попытки держать связь с городом, раз не предупредил о запрете.

Мы приземлились у самых ворот одинокого Корпуса. Дэрк отстегнул ремень безопасности и повернулся ко мне:

– Что бы ты ни задумал, будь осторожен, – сказал он и неуклюже обнял меня через сидение.

– Постараюсь. Спасибо тебе за всё.

– Нам нельзя здесь задерживаться, твой микрочип уже активирован. Чтобы не вызвать у наблюдателей подозрения, тебе нужно идти, – сказал Дэрк, снова став собой. – И ещё... Проследи за своей девушкой, чтобы она не наделала глупостей. Вам нужно вести себя тихо, тогда будете вместе сколько угодно.

О чём это он? Что она может сделать? Я не стал спрашивать, нет времени спорить.

– Я провожу его, – вмешался Адам и подошёл к двери.

А разве нужны сопровождающие? Видимо, да, раз он предложил. Спасибо за то, что продлил считанные минуты.

– Пока, Дэрк, – попрощался я и натянул капюшон.

Дверь автомобиля медленно, словно пытаюсь меня задержать, поднялась, и мы с Адамом вышли на улицу. Брат одними губами произнёс: «Прощай». Что ж, его скептицизм можно понять.

До высоких ворот метров десять, а до Корпуса в несколько раз больше, но Адам вряд ли может пойти со мной до дверей. Уже стемнело, но за густой пеленой тумана на небе не видно звёзд. Для апреля здесь слишком холодно и ветрено. Я попал в новый мир, который в скором времени станет моим домом. Выбор сделан, пора идти.

– Береги себя, дружище, – прошептал Адам и коснулся

рукой моего плеча.

– Увидимся, – ответил я.

Ненавижу прощаться. Мне многое нужно ему сказать, но уже нет времени. Дэррок посигналил Адаму, чтобы тот поторапливался. Или мне напоследок?

– Не забывай притворяться, – сказал друг и направился в аэромобиль.

Я шагнул в неизвестность, спрятав руки в карманах и опустив голову. Я должен притворяться подавленным, хотя сложно сказать, что на самом деле чувствую себя иначе.

Когда вошёл в здание под названием Корпус, меня ослепил яркий свет. Внутри много зеркал. Быстро отвёл от них взгляд. Никто из бедняг, живущих здесь, не знает, что за нами постоянно наблюдают скрытые камеры. Теперь понятно, почему в общежитии для преступников нет ни охраны, ни надсмотрщиков, никого из посторонних. Холл пустой, лишь несколько турникетов занимают пространство. Я подошёл к первому автомату, чтобы не делать лишних телодвижений, и коснулся сенсора новым браслетом.

– Томас Миртл. Дата и время регистрации – пятнадцатое апреля, 21:56, – произнёс электронный голос.

На этом же экране засветился мой идентификационный номер 02-0001815-01-02, возраст – 23 года и дата прибытия в Корпус – 15 апреля, 2137 год.

Впечатляющее начало, Том.

Как только я прошёл турникет, меня встретил парень с

уложенной шевелюрой. После участия в рок-группе мне теперь первым делом в глаза бросается причёска человека, а не, например, одежда или черты лица. Волосы – залог успеха музыканта.

– Меня зовут Шон. Добро пожаловать в Корпус. Я провожу тебя в комнату, – сказал он.

Первый человек, которого я здесь увидел. Могу ошибаться, но он не похож на преступника и тем более на эмоционально подавленного. Всё интересней и загадочней. Что ж, добро пожаловать в ЭО. Километры больше не разделяют нас с Мелоди.

Глава 5. Алиса. Дизайнер

*Ставить интересы фабрики превыше собственных.
(Из книги правил ЭО)*

Президент Ламберт Шарм на всю центральную площадь обвиняет меня в преступлении, которое я не совершала. Из-за отсутствия доказательств правоты приходится терпеть публичное унижение. Меня с позором отправят в исправительный лагерь, и я никогда не вернусь домой. Никто оттуда не возвращается...

– Алиса Меллоу замечена в незаконном распространении секретной информации, за что будет серьёзно наказана. Мы вынуждены принять меры, чтобы нас впредь не пытались обогатить. А теперь попрошу охрану увести предательницу и изолировать её от нашего Общества. Всем спасибо. Искренне ваш, Ламберт Шарм.

После окончания короткой влиятельной речи огромный экран, находящийся на главном здании города Пефом, погас. Толпа вокруг меня расступилась, у людей пропал интерес к случившемуся, и все поспешили по делам. Через мгновение ко мне подошли два человека в чёрных костюмах и окружили с обеих сторон. Я сразу поняла, что это люди президента, хоть и видела их только на снимках в СМИ. В последнее вре-

мя в Пешоме всё реже и реже стали случаться преступления.

– Вы пойдёте с нами, – сказал мужчина, забыв узнать моё мнение.

Он выше и сильнее меня, поэтому ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Преимущество явно на их стороне. Это пока.

Когда за мной захлопнули дверцу чёрной затонированной машины, я увидела бегущего вслед за нами парня. Его светлые волосы растрёпаны, рукава бордовой рубашки закатаны. Не вижу его лица, но чувствую присутствие.

– Она ни в чём не виновата! Отпустите её! – кричал он. Ответа не последовало, я не могла пошевелить губами. – Я найду тебя! – пообещал удаляющийся голос...

– Соня, вставай! Я не намерена будить тебя каждый чёртов день. – Николь снова недовольна с утра пораньше. Боже, а я снова проспала.

– Ты не должна, но всё же делаешь, – ответила я сквозь сон и нехотя открыла глаза.

Перед собой я увидела ту же комнату, что вижу уже на протяжении нескольких месяцев. Светло-зелёные стены, две односпальные кровати, обеденный столик, маленький холодильник, электрическая печка, три деревянных тумбочки, один старый шкаф, небольшое окошко под потолком и коричневый ковёр на полу. Я живу в общежитии для работни-

ков завода, кем, собственно, с недавних пор и являюсь.

Николь уже жила здесь, когда я приехала из Пефома. У нас одна комната на двоих и крохотная уборная с душевой кабинкой, туалетом и раковиной. Больше мы ни в чём и не нуждаемся. Почти всё время проводим на работе.

– Не хаами, детка, – прервала Николь мои мысли, и по её строгому выражению лица я поняла, что она не шутит. – Твой завтрак на столе. Умывайся поживей, нам скоро выходить!

Если бы не она, мне давно бы уже сделали выговор за опоздание. Из-за сна, который вижу уже неделю подряд, я не в состоянии вовремя проснуться. Устала от него. Знаю, что совершила преступление, и это знание терзает разум.

Каждый день сон приобретает новый смысл, появляются новые детали и лица. Например, сегодня я первый раз увидела блондинистого парня, который обещал меня найти. Никогда не встречала его прежде. Интересно, всем снятся отрывки из прошлого? Боюсь об этом у кого-то спрашивать, здесь все до жути неразговорчивые. И вообще, не положено попусту трепать языком. Я должна усердно работать, чтобы родителям не было за меня стыдно до конца жизни. Им и так пришлось несладко, когда они узнали, что их единственная дочь опозорилась на всю страну. Они когда-нибудь смогут меня простить?

В городке по производству одежды не с кем поговорить, даже с Николь. Иногда кажется, она не такая, как все. Или

это я другая? В последнее время чувствую себя живой.

Не нужно заглядывать в календарь, чтобы понять, какой сегодня день. Каждое утро пятницы на столе нас ждут две бутылочки со странной голубой жидкостью, приятной на вкус. На этикетке написано, что это витаминизированный напиток для поддержания тонуса рабочих. Раньше я не задумывалась, почему нам дают его именно с недельным интервалом, и почему напиток появляется ночью, во время нашего сна. Раньше я вообще ни о чём не задумывалась. Наверное, так происходит с каждым, кто сюда попадает.

– Спасибо за завтрак, Николь, – поблагодарила я и осторожно улыбнулась соседке. Сегодня она приготовила яичный омлет и сосиски на скорую руку, но всё равно очень вкусно.

Николь ответила оценивающим взглядом. Почему она так редко улыбается? Николь. Когда я произношу её имя, что-то вспыхивает внутри. С чем-то важным оно ассоциируется, только не могу вспомнить, с чем именно. Нужна хоть какая-то ниточка, чтобы зацепиться за прошлое.

– Ага, будешь должна, – ответила подруга по несчастью. Кто ещё из нас хамит?

Пока я переодевалась из пижамы в рабочую одежду, Николь уже собралась. Она нервно перебирает пальцами ключ от нашей комнаты. Бывают моменты, когда я её побаиваюсь. Если не считать злобный вид, она довольно симпатичная.

Каштановые кудри, зелёные глаза, прямой нос, выступающие скулы. Будь она повыше, вполне смогла бы стать топовой моделью в Пэфоме. А кем была я до того, как украла чью-то важную информацию? Почему не помню? Провалы в памяти угнетают.

Когда мы закрыли дверь, Николь одарила меня яростным взглядом. По выражению лица соседки я сразу поняла, что у лифта уже собралась длинная очередь. Если бы я не проспала, мы бы уже давно спустились. Мы живём на пятом этаже, и я бы не прочь пойти по лестнице, но нам это строго запрещено. Когда я сюда попала, меня сразу ознакомили с правилами и нормами поведения. Я читала огромную папку около часа и уже к концу изучения забыла некоторые пункты, но до сих пор точно помню, что там сказано по поводу выхода из общежития: «Каждый работник обязан закрыть дверь комнаты, следовать к лифту в порядке очереди и спуститься вниз к выходу из общежития, где будут проверены личные данные...». Бред какой-то, будто мы первоклассники. Может, ещё по парам разобьёмся и за ручки возьмёмся?

Нам скоро и по сторонам запретят смотреть. Здесь никто ни с кем не здоровается, только коротко кивает, хотя все в общежитии давно друг друга знают. Я никогда не слышу громкого смеха или ссор, не вижу влюблённых парочек или дружеских компаний, а только унылые лица. Если бы не зелёная униформа, присущая городку по производству одежды, мы бы давно слились со стенами и потолком.

К моему облегчению (иначе Николь так и продолжала бы сверлить меня взглядом), нам не пришлось долго ждать своей очереди. Спустя пять минут передо мной, соседкой и десятком людей открылись двери лифта. Почему он только один? Похоже, никого, кроме меня, этот вопрос не интересует. Наверное, не хотят нарушать правила. Тогда и мне следует сохранять дисциплину.

За то время, пока мы спускались на первый этаж, я успела рассмотреть всех попутчиков. Юная Трис присоединилась к нам на втором этаже и обменялась со мной рукопожатием. Я даже заметила тень улыбки на её лице. Кажется, она самая младшая в общежитии. Трис семнадцать, и она живёт здесь без родителей. Как они могли отправить ребёнка одного трудиться на правительство? Жестоко с их стороны. Никогда не говорила с ней об этом – не было подходящего момента, но обязательно спрошу, почему она одна.

С остальными людьми я поздоровалась кивком головы, как и Николь. Сегодня я насчитала пять женщин и девять мужчин, стоящих с нами в лифте и спешащих на работу. Все мы работаем на одном заводе, но в разных секторах. Кто-то занимается выкройкой одежды, которую присылает нам Пэфом и остальные независимые города, кто-то шьёт, кто-то запаковывает готовые изделия, кто-то подбирает ткань, кто-то ведёт учёт материалов на складе, а я занимаюсь дизайном и декорированием одежды по указанию свыше. Утром мне приходят файлы на рабочий компьютер с возможными ком-

бинациями цветов и тканей в соответствии с трендом, а я выбираю наиболее подходящие, делаю эскизы, которые относят к швеям, где работает Николь.

Мне нравится создавать вещи. Я, наверное, неплохо одевалась в Пефоме. Не нравится, что вынуждают создавать вещи. Уверена, у меня была другая профессия, но сейчас нет выбора. Я должна работать, чтобы загладить вину перед страной. Может, тогда сократят срок наказания. Кстати, сколько осталось? Месяцы? Годы? Нет ответа ни на один возникающий в голове вопрос.

Двери стеклянного лифта открылись, и все стали чопорно выходить по одному. Снова столпотворение. Теперь возле выхода. Я машинально засучила правый рукав зелёной ветровки, и все повторили движение. Обычная процедура входа-выхода в общежитие. Нас регистрируют при выходе, а при входе не впускают незнакомцев. Почему здесь нет охраны или кого-то, кто контролировал бы поток людей? Только зеркала вокруг, белый потолок и чересчур яркое освещение. Раньше меня это не смущало, а сейчас чувствую себя беззащитной амёбой под микроскопом.

Передо мной стоят пять человек, сзади Николь. Возле турникетов люди долго не задерживаются, и мы скоро окажемся на улице. Пока приятный женский голос объявляет имена проходящих через автомат работников, я пристально смотрю в зеркало. В нашей комнате нет зеркал, думаю, как и в остальных. Помню, как выглядела в Пефоме, а как выгля-

жу сейчас, начинаю забывать.

На меня смотрит высокая напуганная девушка, которую сложно отличить в толпе. Я бы не узнала себя среди зелёных униформ и потерянных лиц, если бы не бледно-розовые волосы. Нахожу себя в отражении. Жутко выгляжу. Меня бы засмеяли друзья, если бы увидели в таком виде. Если, конечно, они у меня были. Ярко-розового цвета как не бывало. Насыщенный оттенок смылся, оставив бледный и неприметный, как все люди в общежитии. Тёмно-русые корни отросли сантиметров на десять. Длинные волосы собраны на макушке в тугий пучок. В правилах написано, что девушкам нельзя являться на работу с распущенными волосами, иначе последует выговор и что-то ещё, не помню точно. Не хочу рисковать и покорно слушаюсь. Зеркальная стена отдалена от меня настолько, что не вижу цвета глаз. В Пефоме я носила фиолетовые линзы. Чётко это помню. Какая-то странная...

Сзади стоит девушка с густой каштановой косой и презрительно смотрит мне в спину. Николь. Я быстро отворачиваюсь от зеркала, когда она больно щипает меня за руку. Она недовольно шипит, и я без слов понимаю, что сделала глупость. Хочу обернуться и съязвить, но вовремя замечаю, что остальные тоже оглядываются на меня. Выражение их лиц остаётся неизменным. Сложно понять, что они подумали. Знаю только, что никто так долго не смотрится в зеркало, да и вообще редко кто-то обращает на себя внимание. Все поглощены мыслями о предстоящей работе. Мне так стыд-

но, что опускаю голову и прячу любопытный нос в тонком сером шарфе.

Как только девушка со странным именем Тора вышла на улицу, настала моя очередь регистрироваться. Я подошла к турникету, каких здесь около десяти штук, стоящих в ряд, и поднесла руку к сенсорному экрану. В книге правил сказано: «Запрещается снимать металлические браслеты, даже если они по какой-то причине вызывают аллергическую реакцию». И они вызывают. Моё запястье исполосовано тонким браслетом, но у меня никогда не возникало мысли снять его. Однажды Николь рассказала, что несколько лет назад один отчаянный парень отрезал себе руку, чтобы избавиться от браслета. Может, она пошутила или хотела напугать меня, но до сих пор не понимаю, зачем парень это сделал. В металлических «аксессуарах» хранится личная информация о работниках, браслеты позволяют нам входить в общежитие и на завод.

Стоило только коснуться браслетом сенсорной панели, как женский голос моментально объявил имя и время:

– Алиса Меллоу. Дата и время регистрации – пятнадцатое апреля, 08:35.

Затем на экране появился мой идентификационный номер 02-0001703-01-02, возраст – 21 год и дата прибытия в общежитие – 15 ноября 2136 год.

Сегодня ровно пять месяцев со дня моего появления здесь. Почти всё это время я пробыла в неведении, разум

был затуманен, а мысли пусты. Что случилось потом? Стала понимать, зачем я здесь, но так и не узнала, по какой причине. Как я могла пойти на преступление? Воспоминания о прошлой жизни до сих пор под тяжёлой завесой. Помню родителей, детство и город Пефом, но не помню, кем была и чем занималась...

– Эй, проходи уже, соня, – грубо сказала Николь, и я поймала себя на мысли, что снова забылась.

Не заметила, как на экране пропускного автомата загорелась зелёная стрелочка, и открылся турникет. Ничего не ответив сварливой соседке, я быстро вышла на улицу. И почему Николь не отправилась на работу без меня?

Погода в городке ничуть не изменилась за пять месяцев. Не видела зимы, когда приехала сюда, не вижу весны сейчас. Уже апрель, а я живу здесь с ноября, а погода остаётся стабильной. Меня пугает постоянный туман, он делает воздух влажным и сокращает видимость. Не видела в этом странном месте даже лучика солнца. День похож на ночь, а вечер – на утро. Ничего не меняется и не происходит. Это хуже тюрьмы. Гораздо хуже. Какой же душой я была, когда пошла на отчаянный шаг, став преступницей...

За белой пеленой тумана ничего не видно дальше десяти метров. Стала замечать, что скучаю по родному Пефому, дому и маме с папой. Не с кем поговорить об этом, но я не должна показывать чувств. Я должна быть покорной и точка.

Следом за мной вышла Николь. Я думала, она будет злить-

ся, но ошиблась. Подруга непоколебима. По выражению лица жителей общежития сложно определить их истинные эмоции. Пока я размышляла, за нами подъехал тёмно-зелёный автобус, освещая мокрый асфальт. Запахло выхлопными газами.

Я поднялась по ступенькам и села на привычное место возле окна. Это, наверное, единственное, что можно в этом проклятом городе выбирать. Николь, как всегда, села рядом. То ли по привычке, то ли из уважения, то ли потому что она сидела здесь ещё до моего появления. Она чем-то явно обеспокоена.

Несколько месяцев назад Николь кричала во сне. Я пыталась с ней поговорить, но она сочла это за оскорбление. Так продолжалось несколько ночей. Чтобы заснуть, приходилось накрываться одеялом с головой. Мне снились её крики и мой последний день в Пефоме. Потом она пропала на весь день, и кошмары сразу прекратились. Николь, конечно, снова ничего не объяснила. Как можно быть такой упрямой? Я волнуясь за неё, даже несмотря на то, что она редко разговаривает и постоянно делает колкие замечания в мой адрес.

Лишь однажды мы хорошо провели вместе время. Это было Рождество. В тот день нам подарили выходной и позволили заниматься своими делами. Интересно, какие дела могут быть у отрешённых людей? Наверное, очень важные, раз уж здесь все такие неразговорчивые. У них нет времени на пустую болтовню... Так вот. Утром мы все, как обычно,

спустились на первый этаж, чтобы отправиться на работу. Неожиданно громкий мужской голос объявил о выходном дне. Моей радости не было предела. В душе я была счастлива, как раньше. Я люблю Рождество. Помню, как праздновала его дома с родителями. Помню запечённую утку с яблоками, подарки, фейерверки и бенгальские огоньки. Почему-то всплывает картинка со сценой и большим количеством народа. Может, в канун Рождества мы ходили на концерт или в театр? Помню детскую радость, но отмечать потрясающий праздник в этой дыре не хотелось. На тот момент я всего лишь месяц находилась в общежитии. Казалось, что жизнь кончена. Я не владела эмоциями и разумом. Я редко думала и разговаривала. Состояние овоща было в порядке вещей.

Для нас, работников, нарядили высокую ёлку с серебряными шарами. Тем утром все дежурно улыбались, пожимали друг другу руки, а потом отправились по комнатам. Нас с Николь дома ждал ещё один сюрприз. На нашем кухонном столе мы нашли подарочный пакет с двумя коробками. В одной лежала новая домашняя одежда, а в другой – праздничный ужин и открытка с пожеланием счастливого Рождества. Мы быстро расправились с жареной курицей, овощными салатами и шоколадным десертом. Здесь и так вкусно кормят, но я не ожидала, что нас поздравят и разрешат радоваться. Удивительно. В людях, которые нас здесь заточили, осталось хоть немного сочувствия и понимания.

Когда мы с Николь поужинали, она стала кидать в меня

подушки. Она смеялась! Сначала я посчитала её сумасшедшей, мне казалось, что так нельзя делать, что так не положено. Я боролась с собой. Моя душа требовала веселья, праздника и расслабления, а разум – отчуждения и спокойствия. Спустя несколько минут стараний Николь моя душа победила. Мы дрались подушками, бегали вдвоём по комнате и смеялись, как ненормальные. Мы старались делать это тихо, иначе нас бы наказали. Даже не знаю, чем бы всё могло закончиться... Разве может быть что-то ужасней заточения здесь? Если только смерть. И то, с этим бы поспорила.

Через три дня Николь пропала. Ей перестали сниться кошмары, и с тех пор мы никогда так близко не общались. Она судорожно попросила меня забыть о том весёлом дне.

Как всё взаимосвязано?

– Что такое? – нервно спросила меня Николь.

Пока я думала о событиях из прошлого, не осознавала, что смотрю на соседку по комнате в упор. Запомнила её счастливой и улыбающейся. Было здорово, когда она называла меня Лис, а я её – Никки. Надеюсь, когда-нибудь то время повторится, только теперь хочу повеселиться на свободе, дома, с близкими.

– Просто... – запинаясь, ответила я и перевела взгляд в окно.

Ничего, кроме тумана, по-прежнему не видно. Лишь силуэты домов. Каких домов? Никогда раньше их не замечала.

Несколько раз поморгала, но больше ничего не увидела.

На часах уже 08:51. С минуты на минуту мы должны подъехать к заводу. Я снова посмотрела на Николь, а она сделала вид, что не замечает меня. Нужно с ней поговорить. Что-то неладное творится в городке по производству одежды.

Мы так же спокойно вышли из автобуса, как и входили. Перед нами воинственно возвышается до боли знакомое здание под названием «Швейная фабрика». Блестящие зелёные буквы красуются на всех пяти этажах. С виду фабрика маленькая, а стоит войти внутрь, пространство увеличивается до неузнаваемости. Все, кто вышел из автобуса, выстроились в очередь к главным дверям. Здесь такие же турникеты, как и в общежитии. Процедура повторяется. Я подношу браслет к автомату, и женский голос спокойно говорит:

– Алиса Меллоу, дизайнер. Время появления 08:56:35.

На дисплее отображается то же самое, что и в прошлый раз, только ниже написано «средний уровень». Следом за мной к турникету подошла Николь.

– Николь Уотсон, швея. Время появления 08:56:48.

Не знаю, какой у неё уровень прописан. Должно быть, тоже средний, раз мы живём на одном этаже. Спросить не могу, не принято обсуждать рабочее положение с «коллегами». Об этом тоже сказано в книге правил. С каких пор знаю её наизусть?

На первом этаже собралось много рабочих. Около сотни, может, и больше. Откуда столько? В общежитии проживает

меньше людей. Вдруг оно здесь не одно? Снова осознаю, что раньше меня это не интересовало...

Ровно в 9:00 к небольшой деревянной трибуне грациозно подошёл директор фабрики. Все замерли при виде мистера Грина. Расстояние от нас до начальника не больше десяти метров. Зал здесь большой, есть, где развернуться такому количеству людей. Стены выкрашены в бледно-зелёный цвет, на высоких белых потолках красуются хрустальные массивные люстры. Роскошно смотрится. Фабрика ничуть не уступает среднестатистическому предприятию в Пемфоне. От мыслей отвлёл громкий голос директора.

– Доброе утро всем рабочим моей швейной фабрики! Спасибо, что принимаете активное участие в развитии промышленности. Можете разойтись по рабочим местам. Продуктивного дня.

Мистер Грин закончил речь, слегка поклонился и подарил нам фирменную ослепительную улыбку. Работники кивнули в ответ. Не видела здесь человека опрятней и ухоженней, чем он. Никто из нас не знает его имени, только фамилию, зато видим директора каждое утро. Мы знаем только, что он руководит фабрикой, занимается поставками тканей и экспортом одежды в другие города. Должно быть, у него много дел, но он никогда не пропускает утреннее приветствие. Его речь изменяется в редких случаях. Например, если сокращён рабочий день по какому-то поводу, или если нужно провести инструктаж новичкам. Помню, как в первый раз

увидела Грина и услышала речь «в мою честь».

– Сотрудники среднего уровня, проводите мисс Алису Меллоу на её рабочее место и объясните профессиональные обязанности.

Он бы показался милым, не будь я в таких условиях. Мистеру Грину около пятидесяти лет, он всегда стильно одет, естественно, в зелёных тонах, он располагает к себе, всегда улыбчив и приветлив. Интересно, почему? Что его так радует? Хотя нетрудно догадаться. Власть над столькими людьми, собственное производство. Кто бы на его месте не улыбался? Рабочие его уважают, а может, лишь боятся. Никто не осмеливается произнести хоть слово, пока говорит мистер Грин. Авторитаризм налицо.

Как только директор удалился, закрыв за собой едва заметную дверь, разделяющую холл и скрытое помещение, все побрели по рабочим местам. Мы с юной Трис трудимся в одном секторе, поэтому вместе отправились по винтовой лестнице на второй этаж. Николь с большей половиной работников пошли направо по коридору первого этажа. Я никогда не была в этом секторе, но по рассказам Николь знаю, что там занимаются пошивом одежды. Первый сектор разделён ещё на несколько отделов, потому что людей в нём гораздо больше, чем у нас. Там обитают швеи, упаковщицы и уборщицы.

Мы с Трис и остальными рабочими моего сектора поднялись на второй этаж. Лестница на третий и выше почему-то находится под замком, но никто не обращает на это внима-

ние. Многие, может, даже и не замечали, что на фабрике аж пять этажей.

Отдельных кабинетов, как в современной компании, здесь нет. Мы находимся в огромном зале со стеклянными перегородками, разделяющими трудовые места. Так мы легко можем обращаться друг к другу по рабочим вопросам. Одни специалисты отвечают за исправность компьютерных программ, другие выбирают ткани на складе, третьи делают выкройки, которые потом отправляют в первый сектор. Я комбинирую цвета и ткани, создаю определённый стиль для каждого возраста и пола. И не только я. Со мной работает Трис и ещё пять человек из нашего общежития. Иногда встречаю их вне стен фабрики.

Мы повесили верхнюю одежду на крючки и остались в рабочих зелёных майках и брюках. Парень по имени Джо включил сенсорную панель размером со средний кухонный стол и запустил нужную программу. На дисплее появилось множество папок и ярлыков.

– План на сегодня. Шон, ты создаёшь новую школьную форму, Нора, разрабатываешь официальный стиль, Пэрис – повседневный, Тим – подростковый, Трис – романтический и Алиса – вечерний. Я займусь проверкой и отнесу ваши вчерашние макеты закройщицам. Поехали, – скомандовал Джо, развернулся на пятках и пошёл к другим ребятам.

И так каждый день. Неуклюжий Джо раздаёт задания и уходит восвояси. В нашей команде работает ещё десять че-

ловек. Они выполняют проверку программ на общем компьютере, отправку данных другим секторам и прочие технические задачи. Всех должностей и не перечислить. У каждого свой набор обязанностей, а в целом мы преследуем общую цель – производство одежды. В Пефоме полно магазинов, поэтому поставки происходят каждый день. Чуть ли не с такой же скоростью жители креативного города обновляют гардероб. Что ещё делать, когда у тебя высоко оплачиваемая работа? Тебе просто необходимо выглядеть соответствующим образом для поддержания статуса и следить за модой, которую создаём мы, работники самой крупной швейной фабрики в стране.

Все, кого перечислил Джо, и я в том числе, уселись вокруг сенсорной панели. У каждого своё рабочее место, поэтому выбирать не приходится. Спустя пару минут после запуска программ и подготовки нужной информации мы принялись выполнять задания. Я открыла папку с моим именем и создала новый файл под названием «Весна. Вечерний стиль». Сегодня нужно скомбинировать пять вечерних образов для женщин и пять – для мужчин. Если останется время, то Джо выдаст новое задание. Это мне не грозит, потому что я первый раз создаю вечернюю одежду. Надо хорошенько обдумать детали. В чём можно пойти, например, вечером в кафе? Я бы надела рваные джинсы и майку, но за создание столь вульгарного образа меня непременно накажут. Ладно, а в каких вещах я бы точно не пошла? Беспроегранный метод –

от противного.

Размяв по привычке пальцы, я запустила дизайнерскую программу, имитирующую электронный гардероб с полками и шкафчиками, где всё разложено. Кликнула по разделу «Вечерние платья» и стала просматривать возможные фасоны, ткани и цвета. Виртуальные наборы в «гардероб» заносят другие работники фабрики, а мне остаётся только гармонично скомпоновать.

Немного подумав, я вынесла в монтажную область контур платья. Первый образ будет романтическим. Платье длиной в пол окрасила в тёмно-синий цвет, выбрав его из палитры прикосновением пальца. В ней хранятся тысячи различных оттенков и сочетаний, на любой вкус. Потом сделала рукава-фонарики, закрытое декольте и глубокий вырез на спине. Не позавидую девушке, которая не наденет под платье нижнее бельё. Представила себя в придуманном наряде и с трудом подавила улыбку.

Теперь нужно выбрать ткань и фактуру. Пролистав предложенные на сегодня материалы, я остановилась на шёлке. Каждый день ткани меняются в зависимости от их наличия на складе. Что ещё нужно для вечернего платья? Наверняка светские дамы любят блестяшки и драгоценные камешки, от которых меня тошнит. Извините, гламурные девицы, у меня сегодня нет настроения, чтобы порадовать вас неопишуемой красотой. С каких это пор меня волнует собственное настроение? Нужно продолжать работать!

Всё же остановилась на синем шёлке без вставок и принтов. Девушки в Пефоме, наверное, пройдут мимо этого платья. Мода у нас меняется чуть ли не каждую неделю, но такой простой одежды в магазинах давно не продавалось.

Немного помешкав, я сохранила только что придуманную модель без возможности её редактирования. Пусть Джо оценит.

– Эй, Алиса! Что с тобой? – монотонно спросил зеленоглазый парень.

Я испугалась и вздрогнула от неожиданности. Шон живёт с Трис на одном этаже, а на работе всегда сидит справа от меня, но я особо его не замечаю. Хотя на фабрике люди чаще разговаривают между собой, чем в общежитии. В нашем секторе есть маленькие компании, которые вместе собираются за обедом и о чём-то тихонько болтают. Здесь мне комфортно, даже чувствую себя нормальным человеком, если в нынешних условиях актуально рассуждать о нормальности.

– В смысле? – спросила я, пытаясь не смотреть на парня. Он симпатичный. Непривычно разговаривать с кем-то просто так, не на тему тканей и выкроек.

– Ты уже минут пятнадцать смотришь в одну точку. Заболела? – спросил Шон так тихо, чтобы никто, кроме меня не услышал.

– Э, нет. Всё хорошо. Просто задумалась над новым образом. – Я не соврала. – А как твои дела обстоят?

– Закончил вторую форму для мальчиков, – ответил Шон,

сверкнув глазами в мою сторону, и снова опустил взгляд на сенсорную панель.

Благо, никто не заметил, что мы перешёптываемся. Все держатся друг от друга на расстоянии вытянутой руки, но при этом на перерыве по-дружески общаются. Никогда не пойму здешних правил и норм.

До обеда успела создать ещё четыре женских образа и один мужской. Когда делала второй наряд, руководствовалась памятью. Вспомнила, как в детстве любила мамино платье, в котором она иногда ходила с папой в ресторан. В то время мода не была так жестока, и люди могли гулять в одном и том же несколько дней подряд. Мне нравилось красное бархатное платье чуть выше колена. На экране я выбрала шаблон в форме трапеции, нашла коралловый цвет, подобрала ткань и сохранила вторую модель. Мама бы гордилась моей проснувшейся фантазией. Вдруг она увидит это платье в магазинах и вспомнит меня? Надеюсь. Хоть бы она не держала на меня зла...

Остальные три платья получились более изысканными и похожими на стиль модного города. Одно розовое с корсетом и пышной юбкой, другое – чёрное длиной в пол, третье – цвета морской волны с элегантной баской. По стилю мне ближе розовое платье, я бы куда-нибудь в нём сходила, а остальные два подошли бы утончённым леди. Тем не менее не изменила себе, не использовала ни одной стразы. С

мужскими костюмами оказалось проще, нежели с женскими, но я успела сделать только один. Он получился строгий, тёмно-синий и невозможно дорогой.

Когда до обеденного перерыва остались считанные минуты, я снова задумалась. Хочется вспомнить жизнь до общезжития, до фабрики, хочется сложить кусочки воспоминаний в цельный пазл. От родителей ни весточки, ничего того, что связывало меня с ними. Вот только странная татуировка на запястье осталась навсегда. Не помню, что обозначает каллиграфическая надпись Melody, наверное, что-то важное, раз я решилась сделать тату.

Мама рассказывала, как в её молодости татуировки делали длинной иглой, оставляя кровавые ранки и следы. Сейчас это безболезненная процедура – картинки наносят лазером на любую часть тела, но я всегда гордилась мамой, что она не побоялась и вытерпела боль. Моё имя красуется у неё на руке от запястья до локтя, украшенное цветочными узорами. Мама всегда была неординарной, она назвала меня в честь главной героини старинной сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». Хоть папа и был против, она настояла на своём. Уж очень она любит такие истории и с детства мечтала назвать дочь Алисой. Если бы папа выиграл, меня бы назвали Кассандрой.

У меня замечательная мама, но папа никогда с ней не соглашался. Он без малейших сомнений бросил нас, когда мне было семь. После их развода мама стала морально отдалять-

ся от меня, но в то же время продолжала любить и воспитывать. Не знаю, как ей удавалось. До сих пор слышу её ласковый голос, которым она убаюкивала. Я любила петь вместе с ней. Ох, как я любила петь!

Закрыв глаза, представила, как мы с мамой сидим друг напротив друга и в унисон поём любимую песню:

– Бабочка, улетай в небо, исполняй свои мечты. Бабочка, улетай прочь, достигни высоты...

Мысли прервал громкий голос мистера Грина, разносящийся по всей фабрике:

– Обеденный перерыв в вашем распоряжении. Удачи во второй половине дня.

Я сморгнула слёзы и поймала на себе пристальные взгляды коллег, сидящих за сенсорной панелью, кроме Шона и Трис. Состроив удивлённое лицо, я пожала плечами и направилась в столовую нашего сектора. Она находится за дверью большого рабочего зала, стеклянными кабинетами и упорной работой.

В дверях столовой меня догнала Трис и наградила лучезарной улыбкой. Я поморгала несколько раз, чтобы убедиться в происходящем. Трис действительно сияет от счастья. У меня не нашлось слов, чтобы выразить эмоции, и я улыбнулась в ответ. Как же давно я этого не делала, что забыла, как... Мышцы лица на мгновение напряглись и расслабились, осчастливив меня.

– Идём, – сказала Трис и мимолётно приобняла за талию, чем снова удивила. Я всегда знала, что Трис не такая, как все люди в общежитии, но не думала, что настолько.

Я обернулась, посмотрела по сторонам, убедившись, что никто не обращает на нас внимания, и зашагала дальше. Трис ниже меня на голову, она выглядит такой маленькой и хрупкой, что её хочется защищать, но на самом деле она сильная, раз находится здесь на несколько месяцев дольше меня. Мне хочется о многом с ней поговорить, узнать, откуда она и почему сюда попала, но понимаю, что это не самые подходящие момент и место для откровенного разговора.

Весь второй сектор отведён под столовую. Она представляет собой квадратное помещение с зелёными стенами и белой деревянной мебелью. Потолок покрыт зеркалами, как и стены в общежитии, но он так высоко, что я с трудом смогу разглядеть чьё-то лицо в отражении.

Как и сказал мистер Грин, в нашем распоряжении час, чтобы поесть и отдохнуть. Вот это честь. Интересно, как там Николь? Одиноко без неё на работе. Она же там совсем одна, ей не с кем поговорить. Хоть она и не нуждается в заботе, я всё равно волнуюсь.

Заняв очередь у одной из трёх кабинок с обслуживанием, мы с Трис стали рассматривать сегодняшнее меню за стеклом. Нам предлагается полный меню на любой вкус. Еда за стеклом и рабочие коллективы за стеклом, изолированные друг от друга... Такое ощущение, что я нахожусь в городе

изо льда... Поскорей бы он растаял.

Когда настала моя очередь, я подошла к металлическому стенду с сенсорной панелью и поднесла к ней браслет, идентифицирующий личность. Парой прикосновений к экрану выбрала блюда. Через несколько секунд в окошке появился пластмассовый поднос с едой и столовыми приборами. Не могу привыкнуть, что здесь нет обслуживающего персонала, всё автоматизировано до мелочей. Тогда зачем такой богатой фабрике нужны живые люди, которые не покладая рук занимаются производством одежды? Всё странноватей и странноватей становятся мои мысли с каждым днём, прожитым в зомбированном городке. Что самое интересное, половину людей, находящихся сейчас в столовой, я раньше никогда не видела в общежитии. Откуда же они взялись?

Трис получила поднос, и мы пошли к столику, за которым сидим уже несколько недель. Девушка недавно составила мне компанию и кажется милой. Раньше я обедала, с кем придётся, потом с двумя сёстрами из общежития – Милой и Кейт. Кстати, их не вижу уже третий день. Может, они заболели? Если кто-то себя плохо чувствует, ему даётся короткий больничный, но в пределах общежития.

За столиком нас ждал сюрприз. Волнистую шевелюру цвета янтаря я заметила ещё издали. Трис снова не сдержала улыбку.

– Шон? Почему ты сидишь не с остальными? – спросила я, как только мы подошли поближе и поставили подносы на

круглый белый стол.

Шон ответил на вопрос после того, как мы с Трис уселись на стулья. Этого времени хватило, чтобы постыдиться за навязчивость. Я не должна приставать к чужим людям с распросами...

– Ты напугала коллег пением, – ухмыльнулся он.

Что? Откуда столько эмоций? Что-то с Шоном не так. Он всегда таким был? Почему я не замечала раньше?

– Это не ответ, – упрекнула его Трис, потягивая яблочный сок через трубочку.

Чёрт, я же пела вслух нашу с мамой песню о бабочке...

– Мне нравится твой голос, – сказал Шон, не удостоив меня взглядом. Он ещё не притронулся к обеду, зато поглядывает на Трис.

– Спасибо, – ответила я, не в силах выдать больше ни слова.

Я не пела, а всего лишь мурлыкала себе под нос, и то, случайно... Это слышали Нора, Пэрис и Тим. Вдруг они что-то заподозрят? Надеюсь, ребята ограничились мнением, что я просто сошла с ума.

– Думал, что кроме Трис никогда не встречу здесь вменяемых людей. Ты особенная, – шёпотом произнёс Шон.

Какая я?

Его слова ничуть не смутили, но сильно напугали. Трис почувствовала моё волнение и ударила парня локтем в плечо. Она заигрывает с ним? Что я пропустила? Он же старше

её на пять лет. Она совсем малышка.

– Давайте есть. Нам понадобятся силы, чтобы закончить задание нудного Джо. – Трис нарушила ход моих запутанных мыслей, за что я ей благодарна. Мы с Шоном одновременно кивнули и принялись за еду.

Остальные сорок минут перерыва мы провели в молчании, и только иногда обменивались с Трис короткими улыбками. После обеда все вернулись к работе. Я старалась вести себя тихо среди ребят и полностью окунулась в задание Джо. Создала ещё четыре мужских образа, растянув удовольствие почти до самого окончания рабочего дня. В 17:30, как всегда, Джо стал собирать наши эскизы, скидывая их с сенсорной панели на микрофлешку.

– Молодцы, сегодня все справились с заданием, – сказал он, как только закончил обход. – До понедельника.

Все покорно кивнули и попрощались с начальником. Джо направился в другой отдел нашего сектора, чтобы отдать закройщицам созданные нами образы.

После того, как мистер Грин произнёс короткую ежедневную речь: «Рабочий день окончен. Все свободны», мы забирались домой. Тим, который всё время после обеда кося на меня поглядывал, закрыл все программы и выключил сенсорную панель. Остальные пошли к вешалкам, чтобы забрать свою верхнюю одежду. Я последовала за ними. Обратное в общежитие.

Мы спустились по той же лестнице, что и поднимались,

прошли регистрацию на выходе у турникетов и вышли на улицу. Покорно. По очереди. Не спеша.

Было бы удивительно, если бы погода не была ветреной, а солнце вышло из-за мрачных туч. Я спрятала замёрзший нос в шарф, а руки – в карманы зелёной ветровки. Теплей мне не стало, но стало намного комфортней. Я нащупала кое-что в кармане. Ткань внутри всегда была плюшевой, а сейчас правая рука наткнулась на что-то гладкое и угловатое. Вспомнив о том, что Трис стоит справа, я озадаченно на неё посмотрела, она хитро улыбнулась в ответ. Хотела спросить, что это значит, но не успела. Настала наша очередь заходить в автобус. Зачем Трис подложила мне листок бумаги?

Глава 6. Алиса.

Неожиданная встреча

Правда создана для сильных, хоть и не всегда сладка.

Утром Николь не пришлось меня будить. Вчера, вернувшись с работы, я поужинала и крепко уснула. Ночью меня ничего не тревожило и, на удивление, ничего не снилось. Я даже встала раньше соседки и сама приготовила нам завтрак. Сегодняшний день начался далеко не по расписанию.

– Привет, – сонно сказала подруга по несчастью и элегантно вскинула тонкую бровь, когда увидела приготовленные мной запеканку и какао. – Ты превзошла себя.

– Рада стараться, мадам, – ответила я и жестом пригласила Николь к столу.

– Сегодня твоя очередь идти на склад, – напомнила она.

Каждую субботу один представитель комнаты отдаёт рабочую одежду в стирку и под роспись получает новую. Конечно, форма не совсем новая, как я понимаю, а принадлежала тому, кто сдал её в прошлый раз. Рабочая одежда у нас общая, зато чистая и подходит по размеру. Вещи, в которых мы ходим по «дому», стираем сами хозяйственным мылом, которое тоже выдают на складе. Еду мы получаем там же раз

в три дня после работы. У жителей каждого этажа свой «продуктовый день», чтобы не создавать очередь.

– Сейчас поем и пойду. Ещё рано, может, не придётся долго ждать, – ответила я.

Сколько в общежитии комнат, столько и будет людей, ожидающих пакеты со свежими вещами.

– Ещё нужно собрать постельное бельё, – сказала Николь, наслаждаясь завтраком.

Раз в месяц мы меняем наволочку, простынь и пододеяльник на новый комплект.

– Соберём после завтрака, ешь.

Несмотря на наступившее молчание, меня порадовал короткий разговор. В последнее время считаю Николь подружкой. Знаю, мы почти не общаемся, не делимся секретами и не делаем всего того, что положено делать лучшим подружкам, но мне просто нравится с ней находиться. В последнее время я странная...

После завтрака Николь аккуратно сложила бельё в пакет. Я переделась из пижамы в майку и спортивные штаны и вышла из комнаты. Интересно, что соседка делает, пока меня нет? Может, танцует? Или рисует? А потом прячет под кроватью результат деятельности? Вряд ли, конечно, но меня стало пугать отстранённое поведение людей. Нельзя же так просто в выходной день сидеть в четырёх стенах, ничем не занимаясь. Или я ничего не смыслю в отдыхе?

Склад находится на первом этаже за незаметной стеклянной дверью. Я ошибалась, когда думала, что будет мало народа. В очереди я примерно двадцатая. Через четыре человека от меня стоит Джо, но он не смотрит по сторонам, поэтому мы не поздоровались. Больше никого из коллег я не узнаю. Очередь колонной продвигается в открытую дверь. Сзади ещё подошли люди, причём немало, так что мне ещё повезло.

Я невольно кошусь на большое зеркало и нахожу себя в толпе. Сегодня грязно-розовые волосы распущены, майка заправлена в штаны, а кофта расстёгнута. Вспоминаю, что вчера вызвала возмущение у людей, когда рассматривала отражение, и отворачиваюсь. Странно, что зеркало не треснуло от моего внешнего вида. Как оно терпит такую неряху? Не думаю, что всегда была такой.

Где же Трис? Обычно мы всегда встречаемся по выходным. Очередь продвигается по шагу, приближая меня к складу. Снова осматриваюсь вокруг себя, Трис нигде нет. Чёрт, совсем забыла про бумажку в кармане. Нужно срочно взглянуть на неё, пока Николь меня не опередила. Может, это записка? Как же я сразу не догадалась! Надеюсь, соседке не придёт в голову постирать наши вещи с утра пораньше. Она же не будет лазить по карманам? Не будет, это же Николь. Не аргумент, но надо же успокоиться.

Если Трис здесь нет, то Шон должен прийти на склад вместо неё. Если не он, то Нора, Тим или Пэрис. Они впятером

живут в одном блоке, но в разных комнатах. Почему тогда мы с Николь живём вдвоём? Впрочем, это хорошо, я бы не вытерпела ещё парочку зануд. Никого из ребят не нахожу, наверное, они уже поменяли вещи и ушли. Если бы здесь была Трис, она бы тихонько подошла ко мне, чтобы спросить, как дела. Я бы ответила, что нормально, и она бы потом помахала рукой на прощание. Жаль, что не могу к ней навеститься. На своём этаже я могу зайти к соседям, например, что-то попросить, а по другим этажам перемещаться запрещено, это прописано в книге правил.

Люди один за другим выходят из складского помещения, и я уже в нескольких шагах от заветной двери. Осталось пропустить шесть человек, и я смогу вернуться в комнату, чтобы прочитать записку от Трис.

Вдруг замечаю привлекательного парня, идущего мне навстречу. То есть не мне, он просто уже поменял вещи и, наверное, направляется в комнату (у него пять пакетов, значит, в блок). Он встречается со мной взглядом и замедляет шаг. Парень заметно встревожен и напряжён. Прячу свободную руку в карманах штанов, чтобы никто не заметил, как сильно она дрожит, а второй крепче прижимаю пакеты. Мне знакомо это лицо. Я видела его во сне...

Мы продолжаем смотреть друг на друга. Не хочу, чтобы парень прошёл мимо, хочу, чтобы время застыло... Нельзя же быть такой идиоткой! Все заметят изменение в моём поведении. Пытаюсь отвести взгляд, забыть мимолётное вле-

чение и поскорей убежать, но не могу. Незнакомец медленно приближается. На нём чёрная толстовка и серые джинсы. Скорее всего, он новенький, потому что ещё не оделся в фирменный зелёный. Он так близко, что могу рассмотреть черты лица: прямой нос, пухлые губы и выпирающие скулы. У него василькового цвета глаза и чёрные волосы, прикрывающие уши. Я бы нарисовала его портрет, если бы умела.

У парня из сна были светлые волосы, почти белоснежные, значит, это просто совпадение, но, могу поспорить, они похожи. Я так давно не видела красивых парней и не думала о них, что вмиг потеряла разум. Бросает то в жар, то в холод. Никто ничего не замечает, все сосредоточены на очереди. Выстроенная колонна продвигается вперёд, и я тоже делаю один шаг. Парень уже возле меня. Чувствую аромат его парфюма, вижу едва заметную щетину на щеках, даже могу коснуться его лица рукой. Да что это со мной? Я не должна об этом думать, хотя в правилах ничего не сказано по поводу создания пар. Если я не видела здесь влюблённых, это не значит, что их нет. Может, они просто скрываются. Зачем я себя убеждаю? Какая к чёрту пара?!

– Алиса, – еле слышно шепчет он, проходя мимо.

Не могло показаться, он точно что-то сказал. Или всё-таки послышалось? Я в ступоре, не могу пошевелиться. Откуда парень знает моё имя? В общежитии мы не носим бейджиков, только на заводе. Может, разыгралась больная фантазия?

Потом незнакомец делает то, что полностью выбивает меня из колеи. Пальцами левой руки обнажает свою шею, одёргивая толстовку. Парень проходит слева, поэтому удаётся рассмотреть то, что он пытается показать. От ключицы до кончика уха я замечаю вертикальную надпись Melody. У него такая же татуировка, как у меня, только увеличенная в несколько раз. Между нами вспыхивает молниеносная искра, и я вспоминаю...

– Ник, – шепчу в ответ, но он уже скрылся из вида.

Я не оборачиваюсь, иначе остальные точно что-то заподозрят. Это Николас, уверена на сто процентов. Только не уверена, откуда его знаю.

Тело покрылось мурашками. Оказывается, я столько времени не помнила идеального парня. Меня словно током ударило. Не просто током, это удар молнией прямо в сердце. Зачем со мной так поступили? Что такого страшного я совершила, чтобы от меня скрывать собственную жизнь? Кому это понадобилось?

Парень тоже меня знает. Я бы догадалась, если бы даже он не произнёс моего имени, но он произнёс. При всех. Мы были с ним близки, раз у него на шее красуется такая же надпись, как у меня. Вот только что она означает? Голова раскалывается от нахлынувших мыслей.

Подходит моя очередь, стараюсь на несколько минут забыть о происшедшем, чтобы не выдать волнения. Приветствую мистера Грина и вручаю ему пакет с бельём и одеждой.

дой. Он даёт новые комплекты, а я расписываюсь в бланке. Он всегда лично присутствует на складе и раздаёт нам вещи. Весьма благородно с его стороны. Так он пытается нам сказать: «Я такой же простой человек, как и вы, но не забывайте, кто тут главный».

Киваю в знак благодарности и ухожу, замечая на себе многозначительный взгляд директора швейной фабрики. Меня это мало волнует. Почти срываюсь на бег. Борюсь с порывом найти темноволосого парня, замедляю шаг и иду к лифту.

«Она ни в чём не виновата! Я найду тебя», – слова из моего сна. Помню, как звучит голос Ника. Он здесь ради меня? Это ведь Ник? Может, чья-то злая шутка? Может, я схожу с ума? С чего я вообще решила, что он обратился ко мне, что он вообще смотрел в мою сторону...

Захожу в лифт и смахиваю слезу тыльной стороной ладони. Мелоди. Никак не могу вспомнить, откуда у меня эта татуировка. Николас и Мелоди...

Людей в лифте оказалось мало, и я моментально добралась до своего этажа. Глаза щиплет от подступивших слёз, но боюсь расплакаться у всех на виду. Даже не помню, когда плакала последний раз. Всё это время, проведённое здесь, я не чувствовала ничего, словно находилась в защитной капсуле. Сейчас она разбилась, и на меня обрушилась невыносимая тоска. Оказывается, я многое не помню из прошлого. После сегодняшней встречи с Ником рухнула невидимая стена. Меня так долго держали в неведении... Зачем?

Только не плачь, Алиса, будь сильной, дома ждёт Николь, она может заподозрить...

Набираю побольше воздуха в лёгкие и открываю дверь в нашу комнату.

– Быстро ты, – сказала соседка.

Теперь понятно, почему её имя казалось мне знакомым. Хотелось бы с кем-нибудь поговорить о неожиданной встрече. Была бы здесь Трис... Записка!

– Я в душ, бельём займусь позже, – говорю я и хватаю куртку с вешалки.

– Вроде тёплую воду не отключали, зачем тебе куртка? – удивлённо спросила Николь.

Она до сих пор сидит за столом и читает какую-то книгу. Я бы тоже почитала, но в разрешённом списке нет ни одного писателя и жанра, который мне нравится. Ненавижу женские детективчики и дурацкие комедии. В список не входит ни фантастика, ни ужасы, ничего из того, что я люблю. Снова ограничения. Снова стена, разделяющая меня с внешним миром. Думала, что высвободилась из капсулы, но я всё ещё в ней...

– Хочу постирать, на работе испачкалась, – вру я и закрываюсь в ванной.

Интуиция не подвела, Трис и правда подкинула мне записку. Достая её из кармана и бросаю куртку в тазик с водой, чтобы (почти) не врать Николь. Откуда у Трис нашлась

бумага? Не видела, чтобы нам её выдавали. Листок в клеточку, наспех вырванный из старой тетради. С детства помню их шуршание. Потом на смену пришли электронные аналоги и стилусы вместо ручек, что меня сильно расстроило. В моём прошлом было много исписанных листов... Снова волна странных ассоциаций, которые толком ничего не объясняют.

Записка Трис аккуратно сложена в четыре раза. Быстро разворачиваю её, и, оказывается, что это целое письмо, написанное аккуратным почерком.

Дорогая Мелоди!

Боль в груди... Картинки одна за другой вспыхивают в памяти... Мелоди. Меня так называли друзья. Откуда она знает? Откуда я знаю?

Заранее прости, что не делилась с тобой секретами. Позже ты всё поймёшь. Мне нужно было убедиться, что ты – это настоящая ты. Прочти до конца и дай мне знак, что правильно меня поняла.

Сегодня вечером меня выпускают из общежития.

Вдох-выдох. Дыши. Я опустилась на кафельный пол, а должна была принимать душ...

Я пробыла здесь ровно год, и моё наказание закончилось.

Теперь мы будем реже видаться – меня переводят в третий сектор.

Теоретически это на этаж выше нашей нынешней работы, но лестница, ведущая туда, заперта... Не могу понять, почему так взволнована. Я, конечно, знала, что преступников, отбывших срок, отпускают на свободу. В книге правил сказано: «По истечении срока наказания вы освобождаетесь исключительно на наших условиях». О загадочных условиях ни слова. Вот только о моём сроке никто ничего не упоминал. Кажется, я здесь навечно...

В Корпусе всё намного сложнее и хуже, чем ты себе представляешь. Я не могу написать тебе всего того, о чём знаю, нам нужно поговорить. Кстати, Мила и Кейт не болеют и никуда не пропали, их тоже освободили неделей раньше.

Я встречаюсь с Шоном. Как думаешь, это сильно заметно?

Я чувствовала, что между ними что-то есть. Обязательно ей скажу, что они умело скрывают отношения. Появилась надежда, что и у меня всё будет хорошо. Присутствие Николаса немного согрело застывшую душу, хоть я и побаиваюсь его... Стоп, почему Трис назвала общежитие корпусом? Не слышала, чтобы кто-то так говорил.

Я не бросаю тебя и хочу продолжить общение. Ты замечательная подруга. Можешь доверять Шону, он поддержит в любой ситуации. Понимаю, что для тебя мои слова сейчас кажутся ложью, но прошу поверить. Мы выберемся отсюда!

Я ни на секунду не подумала, что Трис врёт. Всецело верю каждому её слову, особенно после сегодняшней встречи с Ником. Она открыла мне глаза, она знает моё второе имя, которое я взяла несколько лет назад. Мама не возражала, потому что при рождении не дала мне среднего имени, и я поменяла паспорт.

Как только дочитаешь эти строки, пожалуйста, избавься от письма. Мы не можем рисковать. Если ты мне поверила, встретимся в понедельник на перерыве. Буду ждать тебя на нашем месте. Чуть не забыла, больше никогда не пей сыворотку, что дают нам по пятницам.

P.S. У тебя замечательные песни, я твоя поклонница навеки!

Беатриса Джонсон

Перечитала письмо, чтобы убедиться, что глаза меня не обманывают. Здесь синим по белому написано, что нас держат на коротком поводке. В моей памяти полно провалов, которые я смогу заполнить, лишь доверившись маленькой

Трис.

Не пить сыворотку. Вот как называется этот странный напиток. Плевать, для чего нам его дают, впредь буду осторожной. С нетерпением жду разговора с Трис, нам и правда есть о чём поговорить. Она сейчас, наверно, волнуется, потому что на мне лежит ответственность за письмо. Она рискнула, оставив его, ведь я могла донести Грину. Да. Так бы я и сделала пару недель назад, не поверила бы и испугалась, тем самым подставив подругу. Она смелая. Может, ей больше ничего не грозит? Она уже за стенами общежития, но осталась работать на заводе.

Почему Трис отдала мне записку именно вчера? Перед уходом? Или просто она заметила, что я изменилась, и поняла, что мне можно доверять? Скорее всего, по обоим причинам. Я стала приходить в себя после долгой спячки. Уйма вопросов и практически ни одного ответа... Буду ждать понедельника.

– Эй, что ты так долго? – спросила Николь за стеной. – Утонула?

– Стирала! Сейчас купаюсь. Куда спешить? – ответила я громче, чем ожидала. Она тоже не отличается любезностью.

Я разделась, сбросила одежду на кафельный пол и встала под горячий душ. Нужно избавиться от записки. Последний раз пробежалась по ней взглядом, запомнила каждое слово и смочила в воде. Убедившись, что все буквы размыты, скомкала промокшую бумажку и бросила под ноги. Посла-

ние Трис ушло вместе с пеной и сомнениями в водосточную трубу.

Я подставила лицо струям воды и ощутила себя живой. У меня *замечательные песни*... Вспомнила, как вчера пела на работе. Может, поэтому Трис написала про песни? Вряд ли она вчера днём сочинила письмо. Ну, конечно, Шон на перерыве сказал, что у меня хороший голос. Или у Мелоди хороший голос? Кто я? Хотела бы оказаться певицей... В детстве только об этом мечтала.

– Бабочка, улетай в небо, исполняй свои мечты, – тихо пропела я. Голос вернулся! Давно не слышала его таким уверенным.

Что ещё о себе не помню? Хочется петь, как же сильно хочется петь! Я улыбнулась миниатюрному отражению. Никогда раньше не замечала круглого зеркала под струями воды, встроенного в душ. Это лишь зеркальное покрытие, но его мне хватило, чтобы увидеть широкую улыбку и сияющие карие глаза. Наконец разглядела, какого они цвета, но фиолетовые линзы мне тоже нравились.

Не знаю, сколько времени я провела в ванной, но точно больше положенного. Я вытерлась полотенцем, надела халат, прополоскала куртку и оставила её сушиться на тёплой батарее. Не знаю, что подумает Николь, но я должна серьёзно с ней поговорить о её ночных кошмарах и переменчивом настроении. Помню ведь, какой весёлой и непринуждённой она однажды была. Боюсь представить, чем закончится этот

разговор, но я рискну так же, как Трис.

Практически ничего не знаю о себе и не знаю, что ждёт меня завтра. Знаю только то, что Ник, Трис и Николь – это те люди, ради которых вытерплю пребывание здесь.

Глава 7. Николас. Новая жизнь

*Любовь проверяется на расстоянии,
и только настоящие чувства удаётся сохранить!*

Я проснулся в узкой кровати и не сразу вспомнил, где нахожусь. Моим глазам не пришлось привыкать к свету после сна, потому что в комнате ещё темно. Или встал слишком рано по привычке, или маленькие оконца под потолком пропускают недостаточное количество солнечных лучей. Я же в Корпусе. Какое здесь может быть солнце? Вчера вечером стоял такой туман, что, кажется, это постоянный гость городка по производству одежды.

Жарко. Вчера заснул в верхней одежде, потому что на моей новой кровати лежал только матрас и подушка без наволочки. Пощупал карманы джинсов – оба ноутскрина на месте. Где же теперь их прятать? Насколько помню, моими соседями являются Шон, который привёл меня вчера сюда, и парень по имени Тим. Приподнялся с твёрдой подушки, они ещё спят. Их кровати (и тумба между ними) расположены напротив моей. Комната небольшая, раза в три меньше гостиной в Пефоме. Всё в зелёных и белых тонах, точно – изумрудный город.

Мельком посмотрел время на ноутскрине и убедился, что

включил беззвучный режим. Почти десять утра. Думал, что, несмотря на выходной, подъём должен быть раньше. В книге правил сказано: *«Не опаздывать, следовать установленному режиму дня»*. Что ж, похоже, в этой комнате другие правила. Вчера Шон сказал, чтобы я ознакомился с книгой. Я читал её перед сном и оставил на прикроватной тумбочке, но талмуд куда-то исчез. В нём расписаны правила поведения в Корпусе, который местные называют общежитием. Что ещё можно ожидать от исправительного лагеря?

Ничего необычного не прочитал, но поразился, насколько всё стратегически чётко продумано. Жители первого, второго и третьего этажа могут перемещаться по всему общежитию, жители четвёртого и пятого – нет. Пользоваться лифтом в порядке очереди, проходить турникеты в порядке очереди, заходить в автобус, чтобы попасть на завод – тоже в порядке очереди. *«Соблюдать очередь во всём и быть взаимовезливыми»*. Я уже и не помню всех правил, но под каждым из них стоит подпись директора Грина. Для себя подчеркнул, что нужно не выделяться из толпы, тогда всё будет в порядке. Также подробно изучил правила взаимоотношений между людьми в Корпусе. Можно общаться друг с другом, но не вызывая агрессии, зависти и злости. Беседа должна быть тихой и непринуждённой. Окей, не будем вызывать подозрений.

Пока не придумал, что буду делать, когда увижу Мелоди, сердце подскажет. Если придётся ждать восстановления её

памяти, буду ждать. При первой же возможности нужно передать ей ноутскрин, только желательно предупредить, чтобы она была предельно осторожна. Если кто-то увидит запрещённую технику, последует наказание. Мне вот что интересно... В правилах много чего запрещено, но ничего не сказано о наказании. Что последует, если нарушить то или иное правило? В общежитии нет охраны, только жители. Впрочем, охрана вызвала бы только страх и недоумение среди людей. За ними и так ведётся видеонаблюдение, ведь я же сам смотрел запись с Мел. На первом этаже зеркальные стены. Ну, конечно же! Как я мог забыть слова Адама. Он говорил, что здание не только оснащено камерами слежения, но и за этими зеркалами сидят зрители – люди «Идеала». Дэрок говорил, что всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Нужно быть бдительным и не наделать глупостей в порыве эмоций, иначе моё недолгое пребывание с Мел быстро закончится. Не спасёт даже Томас Миртл.

Я ещё немного полежал, уставившись в потолок. Заметил несколько круглых зеркал в светильниках. Скрытые камеры. Осмотрел всю комнату и больше не заметил признаков каких-либо датчиков, вряд ли они спрятаны. Тут меня осенило. Зачем сотрудникам «Идеала» маскировать камеры, писать строгие правила и придумывать методы наказания, если люди и так находятся под действием сыворотки?! У некоторых и вовсе частично стёрта память, за что я ещё больше ненавижу эту корпорацию по совершенствованию мира.

Зачем ставить охрану, если люди и без неё пассивны. Я это понимаю, потому что мой разум не замутиён препаратами. Придётся прятать ноутскрин и свой микрочип не только от новых соседей, но ещё и от наблюдателей в зазеркалье. Да, будет нелегко, но решение принято.

Осторожно, чтобы не разбудить Тима и Шона, я встал с кровати и пошёл в ванную. Вчера Шон показал, где она находится (между нашей комнатой и комнатой девушек), а также провёл экскурсию по кухне. В ней уместился только холодильник, деревянный стол, пять стульев и электрическая печка. Ничего из того, что напомнило бы Пефом, как будто технологии здесь не развивалась. Вот и хорошо, отдохну от навороченных штучек.

Ванная комната тоже небольшая: раковина, сушилка, унитаз, кабинка с душем и полка с бытовыми принадлежностями. Естественного освещения здесь нет, поэтому пришлось включить искусственное. Такое ощущение, что нас хотят отрезать от нормального мира. Внешне общежитие не похоже на тюрьму, но я знаю, что всё совсем не так. С каких пор стал отождествлять себя с преступниками? Наверно, с того дня, как собрался найти Мелоди. Интересно, что сейчас делает Адам? Я и забыл, что можно обратиться к нему. В случае чего он может вырезать ненужную запись из системы, но постараюсь его не тревожить, он и так достаточно помог.

Скинул одежду на пол, убедившись, что ноутскрины не выглядывают из карманов. Они достаточно тонкие, чтобы

быть незаметными при ходьбе. Надеюсь, в одежде, которую мне выдадут, найдётся место для секрета. Чёрт, совсем забыл про микрочип! Достал коробочку из толстовки. Если чип достаточно мал, я знаю, где можно его спрятать. С отворачиванием распаковал коробку. В ней оказалась ещё одна поменьше, в следующей ещё меньше. Напоминает матрёшку. Так я избавился от трёх коробочек, пока не увидел крошечную металлическую пластинку, завёрнутую в шёлковый лоскут. Микрочип светится голубым цветом с одной стороны, а с другой – покрыт крошечными точками. Ужас, эта штука находится у Мелоди под кожей. Микрочип настолько мал, что с лёгкостью могу его проглотить, даже не запивая водой, но не имею права. Дэрк посоветовал прятать, значит, буду прятать.

Мелоди на мой двадцать третий день рождения подарила мне серебряную цепочку с открывающейся подвеской в форме гитары размером с мизинец. Она извинилась за старомодность, когда вставила внутрь свою бумажную фотографию. С тех пор ни разу не снимал цепочку с шеи. Я открыл гитару и улыбнулся изображению Мел. Никто и никогда не отнимет драгоценный подарок.

Для осторожности и подстраховки накинул на голову и плечи толстовку, чтобы скрытые камеры не заметили моих действий. Быстро спрятал чип под фотографией в серебряной гитаре и залез в душ. Помыл чужим шампунем голову и почувствовал себя лучше. Забавно, что в ванной ком-

нате нет зеркал, а в душевом кране спрятана камера. Хреновы извращенцы! Пришлось смыть с себя пену, воспользовавшись пластмассовым ковшиком. Вытерся чужим полотенцем и оделся. Парней в комнате не оказалось, кровати не застелены. Несколько раз встряхнул головой, чтобы с волос не капала вода, и зашёл на кухню.

– Доброе утро, – сказал Шон. – Чай, кофе?

Неожиданный вопрос. Я выбрал кофе, и девушка, сидящая на коленях у Тима, встала за кружкой. Снова забыл, где нахожусь. Что здесь делают девушки?

– Знакомься, – Шон дал ответ на немой вопрос. – Это Пэрис, а это Нора.

Пэрис только что обнималась с Тимом. У неё короткие красные волосы и чёлка, бледная кожа и длинные ноги. Её внешность типична для моделей Пефрома, но в городе я Пэрис не встречал. Нора – темноволосая, смуглая и хмурая. Она мимолётно мне улыбнулась. То ли рада моему присутствию, то ли я ей смешон. Как бы то ни было, факт её веселья смущает. Как притворяться подавленным, если меня окружают нормальные люди? Все четверо сидят за одним столом, и своим появлением я прервал их бурное обсуждение.

– Томас, – представился я и сел на свободный стул рядом с Шоном. Чуть не забыл липовое имя.

Пэрис поставила передо мной чашку с ароматным кофе и вернулась в объятия Тима. На нём такая же зелёная одежда, как и на остальных ребятах. У него густые русые волосы,

обрамляющие лицо. Он напоминает вокалиста популярной рок-группы.

Это сон? Уголки тонких губ Норы опустились, когда она услышала моё имя. Разочарование? Неужели она меня узнала? На ярую поклонницу музыки она не похожа.

– Вы наши соседи? – спросил я, обращаясь к девушкам вместо того, чтобы поблагодарить Пэрис за кофе. Нахал.

– Можно и так сказать. Мы живём в одном блоке с парнями, у нас общая кухня, – ответила Нора и подвинула мне тарелку с яблочной запеканкой. Я кивнул в знак благодарности, не в силах выдать ни слова.

О таких нюансах брат не говорил. Я думал, мужчины и женщины живут отдельно, к тому же эти четверо на вид одинакового возраста. Шон и Нора, может, немного старше меня, а Пэрис и Тим – младше. Что ж, неплохая компания для столь угнетающего места. Надеюсь, первое впечатление не окажется обманчивым. Непроизвольно задался вопросом, что они могли сделать, чтобы попасть сюда. Как бы ни старался, не смог придумать, какое преступление совершил каждый из них...

– Вчера от нас съехала подруга, – начала Пэрис, но Тим дал ей понять, что не стоит развивать тему.

Я почему-то проникся симпатией к ребятам. Они не похожи на тех, у кого затуманен разум или заблокирована память. Может, просто пока не с кем сравнивать.

Тим с Пэрис здорово смотрятся вместе. Оба высокие,

стройные и бледнокожие, оба влюблены и понятия не имеют, что втянуты в ужасный эксперимент. Шон заметил, что я с любопытством их рассматриваю.

– Хватит милиться, нас сейчас стошнит, – попросил Шон, накручивая на палец без того кудрявые волосы.

Он производит впечатление главного в компании, потому что Пэрис не проигнорировала просьбу и слезла с коленок Тима, смущённо улыбаясь. Что их всех связывает?

Я уже доедал запеканку, когда Шон снова ко мне обратился:

– Дружище, ты у нас новенький, поэтому сейчас нужно пойти на склад, чтобы поменять наши вещи. Это не дедовщина, просто очередь. Помнишь правила?

– Покажи, куда идти, – согласился я, пытаюсь выглядеть отстранённым и замкнутым. В целях безопасности.

После завтрака Шон дал пакеты с одеждой их компании из четырёх человек и напомнил, чтобы взял себе постельное бельё. Опустив голову, я вышел из комнаты.

Здесь столько народа, и все будто на одно лицо. Вот только среди них не могу найти то самое, любимое и желанное... Пока спускался на лифте, успел заметить разницу между этими людьми и Шоном. Она очевидна. Если появится возможность, нужно сказать соседям, чтобы они перестали выделяться из общей массы.

На первом этаже стали собираться жители Корпуса с та-

кими же бумажными пакетами в руках, как у меня. То, что в холле все четыре стены зеркальные, понял ещё вчера. Странно, что никто в них не смотрится. Правилами не запрещено. На людей действует подавляющая сыворотка. Они все, как неживые. Никто не улыбается, никто не смеётся, лишь некоторые стоящие в очереди изредка перешёптываются. Непривычно видеть людей такими тихими, покорными и одинаковыми. В Пефоме их бы не приняли в компанию и даже не пригласили бы на чашку кофе. Начинаю привыкать к местному колориту.

В Корпусе нет окон под потолок, нет суеты и нет проблем. Пугает правда, что здесь ещё и нет личной жизни. Только работа и подчинение. Зато меня никто не узнаёт и не просит автограф. Буду даже скучать по навязанной популярности.

Пока размышлял, настал мой черёд заходить на склад. В небольшом помещении пахнет стиральными порошками вперемешку с пылью. Стены занимают полки с одеждой, разложенной по размеру, а в центре комнаты за столом сидит мужчина в зелёном костюме. Я сразу его узнал, хоть и он немного постарел. Эдвард Грин. Это о нём велась речь в книге правил. Пару лет назад, когда я жил в родительском доме, он несколько раз приходил к нам на ужин. Мать с отцом редко общаются с кем-то на равных, но в разговорах с мистером Грином у них практически отсутствовало присущее высокомерию. Всё потому, что он мэр производственного города. Я даже не мог предположить, что с виду добрый мужчина мо-

жет иметь отношение к эксперименту.

Не могу показать Грину, что узнал его, тем более он тоже молчит. Вместо приветствия я произнёс фразу, которой несколько минут назад научил меня Шон:

– Один комплект постельного белья и пять комплектов одежды, пожалуйста.

Хоть я и старался отвести взгляд от старого знакомого, всё же заметил, что его лицо не выражает эмоций. Он всегда был весел и разговорчив, а сейчас на лице застыла дежурная улыбка. Почему вместо того, чтобы управлять Далласом, он меняет преступникам одежду, подвергая себя опасности?

– Вы у нас недавно, Томас? – спросил Грин чужим голосом, намеренно подчеркнув моё имя.

– Второй день, сэр, – ответил я в надежде, что верно к нему обратился, и поставил на стол четыре бумажных пакета в обмен на свой заказ.

Грин ничего не сказал, а лишь протянул мне пакеты, подписанные именами соседей. Я кивнул, расписался в бланке, взял вещи и ушёл прочь, подальше от пристального взгляда.

Людей в холле заметно прибавилось, и никто из них не смотрит на меня, кроме одной девушки. У неё длинные волосы, выразительные глаза и красивой формы губы. Она здесь, передо мной, живая и напуганная. Моя Мелоди! Нас разделяет цепочка людей, перед которыми я не могу броситься к ней, обнять, поцеловать и спрятать от лживого мира. Замедляю шаг, чтобы подольше полюбоваться любимой. Она тоже

изучает меня, спрятав свободную руку в кармане. Она всегда так делает, когда волнуется. Мел прижимает к себе два бумажных пакета, значит, всё-таки у неё одна соседка. Адам не ошибся.

Надо что-то сделать, не могу же я просто уйти, она должна быть уверена во мне. Проходя мимо Мелоди, показал ей новую и единственную татуировку, сделанную недавно. Это сработало, Мел заметила её. После прошептал «Алиса» в надежде, что она услышит, и пошёл дальше мимо ничего не замечающих дальше своего носа людей.

– Ник, – прошептала она в ответ, но я уже не могу вернуться.

Заставляю себя и молю её не оборачиваться... Благо, Мел услышала мои мысли, а я сдержал порыв прикоснуться к её нежным рукам. Теперь остаётся ждать следующей встречи.

Не могу поверить, что впервые за столько месяцев увидел мою малышку. Она вспомнила меня, судя по её сияющим глазам.

Когда я вернулся в комнату, в ней никого не оказалось. На кухне тоже. Парни, скорее всего, сидят у девчонок, поэтому я ненадолго предоставлен себе. Мысли заполнены только ею одной – Алисой Мелоди Меллоу. Не терпится снова увидеть её, перебрать пальцами розовые волосы, включить наши песни, показать её стихи... Не терпится, но нужно подождать до понедельника. Радует тот факт, что мы будем работать вме-

сте. Всё не так плохо, как могло быть. Мел вспомнила меня!

Я застелил кровать и переоделся в новую одежду. Тёмно-зелёные брюки и футболка оказались точно по размеру. В тумбочку сложил остальную одежду из пакета: носки, нижнее бельё, свитер, куртку и ещё пару брюк с майкой. Все вещи зелёного или белого цвета. Несложно догадаться, почему мистер Грин выбрал зелёный. Из-за большой любви к фамилии. Или всё же к экологии?

Джинсы и толстовку спрятал под грудой вещей, вытащив из кармана ноутскрины. Хорошо, что в новых брюках есть место, где я снова могу спрятать гаджеты. Оставлять их в тумбочке или где-то ещё без присмотра нельзя.

В комнате лишь одно зеркало и вроде бы одна камера. Завесить тканью её не могу и рисковать тоже, поэтому залез под одеяло, чтобы проверить ноутскрин. Как и ожидал, увидел несколько пропущенных от отца. Видимо, Грин меня узнал. Или Дэрок постарался?

Помимо пропущенных звонков папа оставил мне видеосообщение, которое я сразу удалил. Плевать, что он наговорил. Вряд ли что-то утешительное. У меня мало времени, Тим с Шоном могут вернуться в любую минуту, а я пока им не доверяю. Быстро написал сообщение отцу: «Ты же не хочешь, чтобы ваша тайна раскрылась?» и отправил без малейшего сожаления, иначе он сделает всё, чтобы я вернулся в Пефом. Не успел сказать Адаму, что у меня всё в порядке, потому что скрипнула входная дверь.

– Что делаешь? – спросил знакомый мужской голос.

– Хотел вздремнуть, – солгал я и демонстративно зевнул, вылезая из-под одеяла. – А вы где были?

Кажется, не стоит проявлять любопытство, учитывая то, что остальные люди в общежитии вообще ничем не интересуются.

– В комнате девочек, – ответил Шон.

Он определённо не похож на всех, кого я утром видел в очереди, как и не похож Тим, который перестал смеяться при виде меня.

– Я оставил ваши вещи на кухне.

Больше не придётся врать, потому что Шон заметил мою татуировку на обнажённой шее. Забыл, что и её желательно скрывать...

– Может, познакомимся заново, Ник? – спросил за ужином Шон, и я не сразу понял, что он обращается ко мне.

Весь день мы провели по разным углам комнаты, раздумывая о случившемся. Я бы не смог дальше притворяться другим человеком. Шон и его друзья, кажется, тоже.

– Вы сразу поняли, кто я? – обратился я ко всем сидящим за столом. Нас, как и было утром, снова пятеро. Все молчат и доедают спагетти с куриными котлетами. Еда здесь оказалась вкусной, и это приятный бонус нахождения в Корпусе.

– Да, потому что я слышал о тебе, – ответил Шон, – а когда

увидел имя Мелоди на шее, убедился окончательно.

– Тогда почему в первый день не сказал о догадках? – спросил я.

– А почему ты не заметил, что ни у кого из нас нет шрама на плече от микрочипа?

На Шоне зелёная майка без рукавов, обнажающая его массивные плечи и демонстрирующая отсутствие микрочипа. В принципе, я без подсказок догадался, что эти ребята в здравом уме.

– Я невнимательный, – честно ответил я. – Ты упомянул Мелоди. Знаешь её?

По улыбкам присутствующих я понял, что её знает не только Шон. Радоваться этому или нет, пока не знаю.

– Мы вместе работаем в дизайнерском секторе. И ты, между прочим, в понедельник отправишься туда с нами, – сказал Шон. Он самый серьёзный из всех, не считая угрюмой Норы.

– Как она? Разговаривает с вами?

– Редко. Трис с ней подружилась. – Имя девушки Шон произнёс с особенной нежностью. – Перед отъездом она написала Алисе письмо и заверила нас, что девушке можно доверять. Если бы ты не появился, мы бы за ней присмотрели.

Конечно, ей можно доверять. Удивительно, что меня заселили в эту комнату.

– А ещё вчера твоя девушка пела, – неожиданно сказала Нора. – Песню о бабочке.

Я знаком с ней второй день, но успел заметить, что слов из

неё не вытянешь. Лучше бы она молчала и сейчас. Это предложение она произнесла с неприкрытой завистью и неприязнью.

Значит, Дэрок с Адамом действительно отключили микрочип Мелоди, и ей постепенно возвращается память.

– А как люди отреагировали на её поведение? – спросил я.

– Никак. Мне понравилось, но пришлось сделать вид, что не услышала, хотя в нашем отделении почти все свои, поэтому нечего бояться, – ответила Нора более дружелюбным тоном, состроив ангельское лицо, над которым не хватает свещающегося нимба.

Она заигрывает? Не заметил сразу, потому что давно не обращаю внимание на флирт. Идиот. Быстро эта девушка меняет маски. Неужели ребята не видят? В отличие от Мел, я плохо разбираюсь в незнакомцах, но не нужно быть психологом, чтобы заметить странное поведение Норы.

– Почему ты не приехал за ней раньше? Полгода она была роботом. Живёт на верхнем этаже с преступниками. Понимаешь, как тяжело пришлось твоей девушке одной, без поддержки? – упрекнула меня Пэрис.

Она права. Тим шикнул на подругу, но уже поздно, я укрепостился. Если хочу завязать с ними дружественные отношения, придётся быть искренним. Надеюсь, они тоже доверятся мне. Я рассказал им о том дне, когда Мел исчезла, рассказал о депрессии, о родителях, которые убедили меня в их правоте, и наконец рассказал о дне, когда узнал, что Ме-

луди ни в чём не виновата.

– Я продолжал любить Алису, верил в неё и ждал, но не мог узнать, куда они её отправили, без доступа к системе.

Слишком откровенно. Плевать. Рассказал, как мне помог брат и что наши родители – предатели.

– Поступок настоящего мужчины, – подытожила Пэрис, подбодрив меня.

– Я люблю её и сделаю всё возможное, чтобы память к ней вернулась.

Борясь с подступившими слезами, поймал на себе утешительные взгляды, как девушек, так и парней.

– Я слышан о Стелле и Эрике Миллер, – сказал Шон после долгого молчания. – А ещё знаю, что твой дед один из главных учёных, создавших Идеальное Общество.

Неудивительно, что он слышан, это знает каждый школьник. Брэм Миллер, Чак Планк, Эрнест Коннори и Марк Гудолл – четыре друга, первые основатели современного Общества. Четыре человека положили начало Новым временам, но никто из них не знал, чем это обернётся. Уверен, мой дед не желал деления на социальные слои, не желал подобных экспериментов, он лишь хотел улучшить наше Общество, а не идеализировать. Всё вышло иначе, не так, как он планировал... Учёные из «Идеала» подхватили его идею и стали вводить иные принципы и законы. У них есть контроль и власть, а мнения простых людей ни во что не ставят. «Идеал» избавил людей от преступности и безработицы, но

мало кто знает, что корпорация построена на крови и лжи.

Однажды соберу ребят и Мелоди и расскажу правдивую историю Идеального Общества. Я вырос с этой правдой и хранил тайну всю сознательную жизнь.

Было за полночь, когда я задал главный вопрос:

– Почему вы не такие, как все в Корпусе? Кто вас сюда послал и зачем?

Не увидел ни тени сомнения на их лицах и не сомневался, что они всё расскажут.

– Мы из Сопротивления, и мы хотим разрушить эксперимент, – честно ответил Шон, не боясь, что нас могут подслушать.

Глава 8. Алиса.

Знакомство с Мелоди

*Если встреча долгожданная,
неважно – судьба это или же случай.*

Сегодня, как и вчера, завтракаю одна, без Николь. По воскресеньям открывают библиотеку для обмена или чтения книг. Николь вчера провела там весь день и принесла домой целую стопку, чтобы коротать время с литературой, а не с глупыми разговорами со мной.

После вчерашнего недопонимания мы с Николь не общаемся. Не спорю, я перегнула палку и, боюсь, она заподозрила некоторые изменения во мне.

– Расскажи о своих кошмарах, – попросила я в субботу, выйдя из душа.

– Думай, что говоришь, – ответила Николь.

Я и не надеялась сразу услышать ответ, поэтому попыталась снова.

– Николь, скажи правду. Что произошло? Почему они прекратились? Помню, ты пропала на пару часов после работы и вернулась совсем другой. Помню, как нам было весело на Рождество... – Я хваталась за все воспоминания и

слова, но Николь осталась непоколебимой.

– Перестали сниться и всё. Я не обязана отвечать тебе, Алиса, – спокойным тоном сказала Николь.

Первое имя стало для меня чужим, когда воспоминания о музыке вернулись. Хочется, чтобы и Николь вспомнила прошлое. Я стала говорить и задавать одни и те же вопросы о её снах, выводила Никки на эмоции, но попытки оказались тщетными. Мой разум ещё затуманен, но чувствую, что мисс Недотрога не такая надменная и чёрствая, какой кажется. Чувствую, что она хочет всё рассказать, но боится.

– Почему ты не можешь рассказать правду? Что плохо-го, если поделиться?

Я, прикрытая одним полотенцем, наверное, казалась ей смешной, но мне было всё равно.

– Уверена, что хочешь знать? – ровным голосом спросила Николь. Она не злилась и призналась на одном дыхании. – Мне снилось, как я убиваю мужа. Довольна?

У меня подкосились ноги, и я схватилась за дверную ручку. Ожидала чего угодно, но только не убийства. В голове не укладывалось, что Николь могла кого-то убить, но она убила своего мужа.

Я хотела подбежать к ней, обнять, узнать, как всё произошло, но Николь не позволила. Она вышла из комнаты и не возвращалась до вечера, потом появилась на ужин. Не знаю, где она была в то время, когда я, накрывшись одеялом с го-

ловой, переживала за неё...

Представляю, как ей тяжело справляться с чувством вины в одиночестве. Я понимаю, как никто другой, потому что проклятые полгода винила себя в том, чего не совершала. Не помню, кто подстроил моё преступление, но знаю точно, что я ни в чём не виновата.

Слышу признание Николь до сих пор, даже сейчас. Оно терзает меня изнутри. Пульс учащается, когда вспоминаю её слова. Она убила мужа и теперь трудится на заводе. Меня обвинили в краже ценной информации, и я тоже работаю на заводе. Бедный мозг, отвыкший думать, сложил кусочки в единую картину.

Мы в тюрьме.

Сколько ещё в Корпусе людей, убивших близких? Как сюда попал Ник? Не пошёл же он на преступление ради меня? Этого просто не может быть.

Допила остывший чай, схватила куртку и побежала к лифту. Опаздываю. Если приду не вовремя, меня не пустят на завод и отправят обратно в Корпус, а потом припишут штрафные часы. Не могу это допустить, потому что обещала встретиться с Трис. Она поможет во многом разобраться, поэтому нужно поторопиться.

Успела на последний автобус, знающий только один маршрут... В котором часу Николь ушла из дома? Когда я проснулась, её уже не было. Наверно, не позавтракала и

уехала первым автобусом. Чувствую себя перед ней виноватой. Она избегает меня и будет избегать ещё долго. Говорить бесполезно. Она замкнута и не особо разговорчива. Когда я успела это заметить? Раньше мне казалось, что лучше подруги не найти. Не забираю слова обратно, она моя подруга, и я спасу её. Подумаю об этом позже, сейчас нужно раствориться в толпе...

Я прошла традиционную каждодневную процедуру:

– Алиса Меллоу, дизайнер. Время появления 08:59:38.

«Да что вы обо мне знаете?» – хотела спросить я, но быстро опомнилась.

Переступила порог завода как раз вовремя – мистер Грин уже вышел к народу и вот-вот начнёт речь. Всё как всегда. Приветствие и пожелание хорошего рабочего дня. К чему этот цирк? Раньше я восхищалась Грином. Сейчас он кажется самым обычным в мире человеком. Зелёный костюм с блестящим логотипом фабрики, зачёсанные назад угольно-чёрные волосы, морщины и натянутая улыбка. С каждым днём люди, которых я знала, кажутся совершенно другими, не такими, какими видела их прежде.

Утро на заводе началось с дрожи в руках. В нашем отделении был только Джо, когда я заняла рабочее место.

– Трис перевели, – неожиданно для нас обоих сказал он.

– Правда? – Я сделала вид, что ничего не знаю, но не смогла скрыть любопытства. Убедилась, что Трис не соврала.

– Я только что получил письмо от мистера Грина, – ответил Джо скучающим голосом, запуская программу, которую я знаю наизусть.

Позже он даст нам указания, и мы весь день будем придушивать одежду для свободных людей. Впервые это вызвало тоску. Раньше я с удовольствием работала.

– На место Трис придёт новенький, – добавил Джо.

Не слышала, чтобы он с кем-то разговаривал не о работе. Интересно, что он делает в Корпусе? Тоже кого-то убил? Или его по ошибке сюда отправили? Он не похож на убийцу (впрочем, как и Николь), а, скорее, на задрота-программиста. Мама всегда говорила, что я никогда не ошибаюсь в людях. Лишь однажды ошиблась в одном...

– Об этом сказано в письме?

Я стараюсь не задавать лишних вопросов, но Джо сам начал разговор.

– Да. Новенького зовут Томас Миртл.

Надеялась услышать имя Ника, хотя заведомо знала, что это практически невозможно. Если он в Корпусе с пятницы, то его могли прикрепить к любому из двух секторов, не говоря уже о многообразии отделений и должностей.

– Пусть он будет таким же хорошим сотрудником, как и Трис, – сказала я из вежливости.

Он кивнул в ответ и снова надел маску отстранённого начальника. Я удобно расположилась на стуле и уже приготовилась к работе, как в дверях появились остальные работники нашего сектора.

– Поприветствуйте нового декоратора. Томас Миртл заменит Беатрису Джонсон, – представил Джо молодого человека, вошедшего вслед за Шоном, Норой, Пэрис и Тимом.

Если мои глаза и память мне не изменяют, это Ник. Парня, которого я встретила в субботу утром, зовут Томас. Я ошиблась, он не Николас, не парень из моего сна. Путаница какая-то.

– Доброе утро, – ни к кому не обращаясь, сказал он и сел рядом со мной.

Ребята, заняв рабочие места вокруг сенсорной панели, поздоровались со мной. Не успела им ответить (и так бы не ответила, пропал дар речи), потому что Джо начал раздавать задания. Сегодня мне нужно создать весеннюю коллекцию юбок. Задания остальных не услышала за шумом вырывающегося из груди сердца. Ник сидит слева, слегка касаясь моего локтя своим. Я запуталась... Томас, Николас. Миртл, Миллер. Наверное, ошиблась во время нашей недавней встречи, и общая татуировка – лишь жалкое совпадение...

Парня зовут Том. Бред, но Джо только что назвал его настоящее имя! Или Том на самом деле Ник? Это больше вероятно. Он в одном секторе со мной, называет меня по име-

ни, я помню его лицо, не может быть совпадением...

Все молча выполняют работу, и только иногда я чувствую на себе взгляды, причём не только темноволосого парня, сидящего рядом со мной. Я вижу, как на меня косятся Пэрис и Нора. Вдруг помнят, как я пела в пятницу, и что-то подзревают? Без паники. Во время перерыва Трис всё объяснит.

Заставляю себя комбинировать ткани, подбирать формы и цвета, снова и снова. До самого перерыва не отрываю глаз от сенсорной панели и сконструированных юбок. Интересно, что составляет *он*? Он заполонил мысли, и мне это нравится.

Три юбки из пяти окрашены в розовый цвет, остальные – в красный. Со мной, определённо, что-то не так. Раньше Джо доверял деловые костюмы и строгие наряды, потому что у меня хорошо получалось работать с синими и чёрными оттенками. Может, после создания вечерних платьев он разглядел потенциал? Я всегда делала одежду по ощущениям, как чувствую, и как хочу, а сейчас сделала её, руководствуясь настроением, и, судя по розовому цвету, нашла то, что по чужой воле потеряла.

Даже когда мистер Грин объявляет перерыв, я не осмеливаюсь посмотреть на Тома-Ника. Всё утро пыталась не думать, как его зовут на самом деле, а также пришёл ли он сюда ради меня или нет. Просто он притягательный и всё. В глубине души расстроилась, что он не заговорил первый и не представился, но головой понимаю, что нам нельзя рисковать.

Все поспешили на обеденный перерыв, и я последовала за Шоном и Ником-Томом. Показалось или между ними связь? Они почти не разговаривают, но держатся вместе.

Когда я вошла в столовую, сразу потеряла старого нового знакомого из вида, зато в начале очереди заметила Николь. Теперь могу быть уверена, что с ней всё в порядке. По крайней мере, внешне она выглядит, как всегда, опрятно и сдержанно. Хотела бы я подойти к ней и поговорить, но сейчас не самое подходящее время, тем более меня ждёт Трис. Николь вижу каждый день, а вот с Трис дела обстоят труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.